1
d 29
1
10 98

СЦЕНЫ

ИЗЪ РУССКАГО НАРОДНАГО БЫТА.

РИСОВАНЫ СЪ НАТУРЫ И. С. ЩЕДРОВСКИМЪ.

Текстъ написанъ В. И. Савиновымъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Уличный чтецъ.
2. Шашки и балалайка.
3. Кузнецы.
4. Сбитеньщикъ.
5. Няня.
6. Тришка.
7. Петербургскій Ванька.
8. Важная штука.
9. Еще совѣсть не зазрила!
10. Петербургскій дворникъ.
11. Добрый человѣкъ.
12. Русская сила.
13. Служба.
14. Петербургское утро.
15. Умъ и сноровка.
16. Хозяйскій сынокъ.
17. Кучеръ.
18. Торговка.
19. Карты.
20. Русскій человѣкъ на нѣмецкомъ гуляньѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 23 Февраля 1852 года.

Цензоръ *Ал. Крыловъ.*

Зоологич. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 316533.
1933 г.

Въ Типографіи И. ФИШОНА.

I.

УЛИЧНЫЙ ЧТЕЦЪ.

(ПРОСТОНАРОДНАЯ ЖИВОПИСЬ И ЛИТЕРАТУРА.)

Говоря о простонародной литературѣ, нельзя умолчать о тѣхъ неизысканныхъ изображеніяхъ, которыя сохранили простолюдинамъ драгоцѣнную память о славныхъ дѣлахъ Русскихъ людей отъ Мамаева побоища до взятія Варшавы — включительно. И если, иногда, позволено мѣшать дѣло съ бездѣльемъ, то не будетъ лишнимъ, ежели мы бросимъ бѣглый взглядъ на исторію произведеній Суздальской школы. Родина этихъ картинъ Москва. Въ началѣ XVII столѣтія онѣ сдѣлались тамъ промысломъ многихъ оборотливыхъ людей. Названныя Суздальскими, или лубочными, а въ Сибири *панками*, онѣ и до сихъ поръ сохранили свою простоту и грубость въ отдѣлкѣ.

Одна изъ самыхъ давнишнихъ Московскихъ типографій, въ которой во вкусѣ и духѣ народномъ печатались эти картинки, принадлежала купцамъ Ахметьевымъ и помѣщалась въ приходѣ у Спаса, въ Спасской, за Сухаревой Башнею. Она существовала въ родѣ Ахметьевыхъ болѣе 70-ти лѣтъ. Близъ Сухаревой Башни, сооруженной Петромъ Великимъ, была въ старину Стрѣлецкая слобода, въ которой приходская церковь Живоначальныя Св. Троицы называлась на листахъ.... Названная потому такъ, что у ограды ея продавались раскрашенные листы, печатавшіеся у Успѣнія, въ печатникахъ, на Стретенкѣ. Въ послѣдствіе времени, такіе листы продавались у Спасскаго моста близъ стараго Бастіона, а оттуда были перенесены къ оградѣ Казанской и, наконецъ, ихъ можно уже было встрѣтить въ Московскомъ холщевомъ ряду.

Содержаніе этихъ листовъ также различно, какъ различны понятія народа, которыя хотя съ теченіемъ времени и измѣняются, однако же основа ихъ остается одна и таже. Религія, всегда оживлявшая изящныя искусства, и любовь къ родинѣ,—служатъ для Суздальскихъ картинъ главными предметами, достойными лучшей кисти и лучшаго рѣзца. Чудеса и страданія Святыхъ, Геров Руси, знаменитыя битвы изображаются на нихъ, хотя не искуснымъ, но усернымъ рѣзцомъ и расписываются красками яркими въ полномъ значеніи этого слова.

Еще и въ настоящее время встрѣчается множество подобныхъ картинъ, которыя развозятся по ярморкамъ, а оттуда разносятся промышленниками по селамъ нашихъ Великороссійскихъ губерній. Въ

избѣ зажиточнаго крестіянина этихъ селъ — легко встрѣтить произведенія Суздальской школы; произведенія, которыми всякій парень, возвращающійся домой съ заработковъ, запасается для украшенія домашнихъ стѣнъ, и для подарковъ роднымъ своимъ и знакомымъ.

Случалось ли вамъ когда нибудь въ зимнюю, ненастную ночь, подъ ураганомъ вьюги, и переливами холоднаго вѣтра сбиться съ пути и провалиться съ повозкою въ трущобахъ снѣга?... Если случалось и особенно въ подмосковной, то стало быть вы видѣли цѣлую галлерею Суздальскихъ импровизацій.

Ну! вы, веселинькіе.... чего стали! кричитъ продрогнувшій ямщикъ, спрыгнувъ съ облучка и оглядывая безпредѣльную степь, надъ которой міріады снѣжныхъ звѣздочекъ вьются, какъ неугомонные виллисы сѣвера.

Что тамъ? откликаетесь вы, выглядывая изъ уютно пригрѣвшаго васъ пушистаго медвѣдя.

— Плохо В. Б.! отвѣчаетъ ямщикъ.... лошадки шибко продрогли сердечные, да и дорогу то словно лѣшій языкомъ выгладилъ.

Что.... сбился? дорогу потерялъ? снова спрашиваете вы, поди посмотри.... отойди нѣсколько шаговъ!

— Пойти, для-ча не пойти, да вишь мятель-то какая, такъ и засыпаетъ.... неровенъ часъ, заплутаешься и лошадей потеряешь....

— Ну.... такъ чтожъ мы будемъ дѣлать?

— Да, ужъ и невѣдаю сударь.... вишь ты какую непогоду развело.... глаза всѣ выхлестало.... эка напасть непрошеная.... эка бѣда бѣдущая!... Ономнясь, вотъ, тоже, съ бариномъ ѣхалъ, да вотъ эндакъ же....

— Да, ну тебя съ твоимъ ономнясь! ищи дорогу, не замерзнуть же намъ?

— Не серчайте сударь.... воля Божеская, ужъ коли на роду написано кому замерзнуть, того волкъ не съѣстъ....

— Говорятъ тебѣ не толкуй по пустякамъ, а лучше по ищи.

— Тс.... обождите маненько.... чу.... слышите.... собаки лаютъ.... слава-те Господи! энто ни какъ, вправо отъ насъ Задирайлова.... такъ и есть!... вотъ и оно.... Ну—вы! съ горки на горку.... баринъ дастъ на водку.... катай улепетывай.... гонются! и лихой ямщикъ закрутилъ бичемъ, свиснулъ и залился молодецкимъ по свистомъ, въ переливъ съ валдайскимъ звонкомъ; а тройка, какъ вѣтеръ, рвется изъ упряжи и несетъ васъ къ теплой избѣ хлѣбосольнаго поселянина.

Ворота настежь, самъ староста съ поклономъ, распахнувъ избу, помогъ вамъ скинуть тяжелую шубу

и усадилъ васъ въ почетное мѣсто, подъ Святыя иконы.

Въ полчаса радушіе хозяина, его простота и говорливость, самоваръ и трубка, заставляютъ васъ забыть и раздольный вѣтеръ, и страшную вьюгу, и злой морозъ и философію ямщика.... вы отогрѣлись на солнцѣ русскаго радушія — при помощи горячаго чаю. Теперь изъ страдальца дѣлаетесь вы наблюдателемъ.... Чистая изба, пятокъ ребятишекъ, выглядывающихъ съ палатей изъ-за пестраго повойника краснощекой крестьянки — переносятъ васъ къ Русской эклогѣ и идиліи. Но, вотъ, взоръ вашъ оторвался отъ живыхъ существъ, взглядывающихъ на васъ любопытными глазами, и обратился къ другому предмету. Вы замѣчаете пеструю стѣну избы, разглядываете эти ярко—красныя, желтыя, синія и зеленыя пятна, эти іероглифы и узнаете какого-то пузатаго господина, котораго казакъ и смоленскій ратникъ угощаютъ вѣникомъ въ русской банѣ.... А это что? спрашиваете вы, останавливаясь предъ огромнымъ эстампомъ замаранным синькою и сурикомъ.

— Эвто, ваше благородіе, отвѣчаетъ хозяинъ съ низкимъ поклономъ, осмѣлюсь доложить, вашей милости, штука важная.... на Макарьевской купилъ....

эвто изволите видѣть.... какъ бишь? Березенская свалка! подсказываетъ голосъ съ палатей.

Да! вотъ, неугодно ли вашей милости? Ей, Оська! подь сюда....

Ну, чегожъ ухмыляешься, неучь?... чкни барину.... что эвто написано подъ картиною.... Да поклонись, олухъ!... Ну то-то.... чкни же.... пертачься!

А нешто на орѣхи будетъ?... И мальчикъ останавливаетъ на васъ лукавый взглядъ, накревивъ голову и перебирая пухъ и мочалы въ своемъ затылкѣ.

Будетъ, будетъ! отвѣчаете вы.

Ну, а коли будетъ — то прислушай. Вотъ вишь ты.... эвто, когда Напліонъ далъ изъ Москвы стречка, опосля того, какъ наши Кириловцы задали ему трезвону, такъ, чтобы убраться подобру поздорову въ свою нѣмецію онъ и бросился было за рѣку Березину, а наши-то и прими его тутъ на руку, да какъ приняли и пошла потѣха.... кто куда.... Мостъ-то наши въ щепу изувѣчили; ну, и вѣстимо что пришлось нехристямъ, подобравши полы отправляться въ рѣку за раками. А вонъ эвто и написано тутъ: *Бонапартъ съ войскомъ своимъ при рѣкѣ Березинѣ пораженъ, разбитъ, потопленъ и загнанъ въ рѣку воинами Россійскими....* Вишь ты, добавляетъ мальчикъ, въ Москвѣ-то Хранцузъ закоптѣлъ на пожарѣ,

такъ наши Донцы его вздумали на Березинѣ выполоскать.

Охъ, ты бой голова.... ухарь парень! подхватываетъ веселый старикъ. Ужъ какой онъ у меня, прощенія просимъ сударь, сорванецъ и прощалыга; ужъ и не накажи Господи! Да, за то правду матку молвить,. съ разумомъ паршивко; читаетъ словно семинаристъ какой, а вѣдь охотой выучился.

Такой парень будетъ непремѣнно уличнымъ чтецомъ, душою бесѣды и потѣхой неграмотныхъ пріятелей.

Спустя нѣсколько лѣтъ онъ переходитъ отъ пресловутой подписи подъ Березенскимъ дѣломъ, къ сказкѣ, а потомъ даже и къ серьезному чтенію.... Нѣтъ слова, что ему часто попадаются и такія вещи, въ которыхъ онъ узнаетъ только одни буквы; но здѣсь, ему, по выраженію Гоголя, нравится не цѣль чтенія, а процессъ его. Онъ читаетъ все съ одинаковою любовью: и Бову Королевича, и механику Божерянова... Въ деревнѣ его красное словцо часто выслушиваютъ и опытные старики. Онъ смѣло входитъ въ собравшуюся бесѣду и съ важнымъ видомъ, избоченясь толкуетъ о заморскихъ чудесахъ, о пряничныхъ городахъ съ медовыми рѣками и сахарными пригорками... Ему нипочемъ озадачить пріятеля вычурнымъ словцомъ, передъ которымъ собесѣдники таращутъ глаза, а самъ онъ наивно ухмыльнувшись добавляетъ: Вотъ оно што, голова! Ему не смѣй поперечить; самъ онъ и нѣсколько голосовъ закричатъ дерзкому: Не толкуй!... Ужъ Петруха молвилъ, такъ стало быть не спроста, гдѣ нинаесть да въ книгѣ отрылъ!

Въ праздникъ, когда нѣтъ дома работы, настаетъ торжество Петрухи. Въ пестрой, яркой рубахѣ съ распашнымъ воротомъ, грамотѣй, пригрѣтый солнышкомъ, помѣщается на пыльной завалинкѣ.... онъ тутъ всегда окруженъ толпою однодеревенцевъ, и съ неизбѣжною икотою вычитываетъ вслухъ занимательные эпизоды изъ дивныхъ похожденій Еруслана и Бовы или Кащея безсмертнаго.—Онъ даже не прочь спѣть и вычитанный романсъ, разумѣется, сохранивъ при этомъ народный мотивъ. Онъ даже поетъ: «*Ты не повѣришь*» на голосъ: *какъ за рѣченькой слободушка стоитъ*...

Эти уличные чтецы, въ деревнѣ, говоря истину, хотя и достигаютъ убоюкиванья своего микроскопическаго самолюбія; но голова ихъ навсѣгда остается складочнымъ анбаромъ обыденной рухляди и недодѣланнаго фейерверка мыслей.

Пойдемте за нимъ въ городъ.

Видите ли людный мостъ: на одномъ концѣ его

непзбѣжно помѣщается саячникъ. Онъ, если не угощаетъ извощика произведеніемъ своей кухни, то подчуетъ его же чтеніемъ какой нибудь книжки, или объясненіемъ картинки, изображающей битву Русскихъ съ Кабардинцами, или страшнаго удалью Атамана Бури. Перейдите площадь и остановитесь на одномъ концѣ ея, за фалангою каретъ и цѣлымъ полемъ развѣяннаго сѣна.... здѣсь таже исторія. Толпа любопытныхъ извощиковъ вслушивается въ сказаніе чтеца, своего собрата, изрѣдка заѣдая—умную рѣчь обломками пряника. Вяземскіе и росписные не мѣшаютъ имъ мыслить; они сочувствуютъ чтецу, отвѣчая на всякое бойкое его словцо кудрявымъ замѣчаніемъ, или возгласомъ радушнаго ободренія.

— Слышъ-ты! говоритъ внимательный слушатель, ударивъ пошапкѣ пріятеля.... штука братъ!

— Важнѣйшая, отзывается другой.

— Эко-ты чудодѣйная притча! подхватываетъ третій.

— Важно!

— Лихо! Ну.... ну Васюха.... чтожъ евто будетъ?

— Читай прислушаемъ. И снова взоры уставлены на масляныя страницы книги.

Истинное раздолье для уличнаго чтеца и истинная жатва для его велемудраго знанія русской азбуки есть

удовольствіе быть однимъ изъ членовъ мелочной лавки, или лабаза. Тутъ изъ подъ рукъ и глазъ его не юркнетъ ни одного клочка исписанной бумаги.... Каждое мгновеніе, или обвязывая паточное лукошко, или подбрасывая голубямъ горошенки,—онъ переходитъ отъ лирической поэзіи къ исторіи временъ очаковскихъ и покоренья Крыма, или отъ извѣстій о дѣлахъ Карлистовъ съ Христиносами къ объявленію о порошкѣ отъ насѣкомыхъ.

Такой любитель всего печатнаго, во время командировокъ за долгомъ къ покупателю, или за овощами въ огородъ не подсѣкаетъ голубей и непугаетъ воробья камнемъ.... Нѣтъ: у него есть забава своего рода и средство украсть отъ хозяина лишнихъ полчаса.... эта забава книга; она всегда съ нимъ и пригрѣта за фартукомъ.

Вотъ онъ, навьюченный корзиною хлѣбовъ, въ жаркій іюльскій полдень, остановился у гранитнаго берега Невы. Осторожно поставивъ свою ношу на гранитъ, сдвинувъ на затылокъ промасленную шапку и, избоченясь откинулъ впередъ правую ногу, поставивъ ее на рыжый коблукъ.... потомъ разкрылъ свою книжицу и приступилъ къ забавѣ. Слушатели будутъ.... Видите ли, съ какимъ вниманіемъ уставилъ на него глаза, прищуривъ ихъ подъ полями мятой шляпы

этотъ квасникъ — ремесло котораго приноситъ такой же жидкой барышъ, какъ жидка его медовая влага, на которой вѣчно плаваетъ цѣлая армада лимонныхъ корокъ.... А тамъ, когда то бодрый ратникъ, теперь ветхая старина, насторожилъ слухъ и вниманіе.... Уличный чтецъ напомнилъ ему былое, горе и счастіе родины.... Парень читаетъ исторію Бородинской битвы, въ которой старикъ растерялъ много своихъ кровныхъ, и сердце его вздрогнуло отъ воспоминанія — и онъ шепчетъ своему вожатому мальчику:

Митя! Митя слушай, какъ умирали твои отцы, какъ грудью отстаивали родимую землю вославу Батюшки Царя Бѣлаго?

II.

ШАШКИ И БАЛАЛАЙКА.

Времена переходчивы, говоритъ русская поговорка; а извѣстно, что русская присказка.... уже коли сказана, такъ словно топоромъ отрублена.... правда съ ней, какъ сестра радная,—рука объ руку по свѣту бродитъ....

Времена переходчивы!

И впрямъ, поглядишъ: всему своя пара, свой чередъ и свой почетъ.... У другой красавицы до первой морщинки не сочтешъ радостей, только глазкомъ поведетъ—всѣ ей въ поясъ, всѣ отъ нее безъ души;—а пришла пора, засѣла сѣдина въ високъ—и отвернулись отъ красавицы—и она, какъ крыловскій мѣшокъ—брошена въ прихожую. Бывало—отцы наши выплясывали минуэтъ, и вѣроятно думали, что у нихъ столько граціи, что и въ коробъ ее не уложишъ, что и правнукамъ на долю хватитъ; а теперь, минуэтомъ и эскимоса не увидишъ.—Бывало русскому человѣку не давай маку съ медомъ, не подчуй вяземской каврижкой, или баранкой валдайской, а разгороди ему на квадратики кусокъ дерева, да отсыпь хоть 24 костяжки:—въ поясъ поклонится, присядитъ и, какъ пить-дастъ, всѣ 12 сухариковъ съ загородкой оставитъ пріятелю;—и ужъ гдѣ онъ неигрывалъ, гдѣ только его волки некушали овецъ? вездѣ! За воротами на скамьѣ-уголькомъ квадратики городилъ, у Гостинаго на лавкѣ, въ прихожей—на ларѣ.... Но отошелъ почетъ шашешницѣ!.. и борода и тулупъ наровятъ къ биліарду, шары катаютъ, и не краснѣя каратаютъ за краснымъ время; весь заморскій діалектъ на изусть знаютъ: у нихъ дуплеты съ триплетами, да карамболи съ *подходцами*—словно на своей родной почвѣ съ капустой выросли. Засучилъ рукова, перегнулся какъ акробатъ, изнамѣрился—и молвитъ: Пошла въ средняю!.., Или, помнимъ время, какъ на пиру да во бѣсѣдушки, гдѣ душа была на распашку, съ воротомъ отъ рубахи, гдѣ не гусли, не гармоника заморская наигрывали веселую, а самодѣльная, пѣвучая русская балалайка.... И ужъ, какъ старики наши ладно подъ нее приплясывали?... Сколько пѣсенъ они сложили для трехструнной, сколько подъ ее заунывное бряцанье высказали сладкой ласки дѣвушкѣ—зазнобушкѣ? Вечеркомъ соберется бывало молодежъ, присядетъ на завалинкѣ.... барда въ середку, руку къ уху ударили въ балалайки и затянули....

А теперь и балалайка отжила свой вѣкъ;—гармо-

ника съ клапаномъ, да рыжимъ ремешкомъ—отняла у нее заслуженный почетъ; теперь поглядишь всякій халатникъ наигрываетъ: «стонетъ сизый»—и только тотъ невладѣетъ своимъ инструментомъ, который развѣ пальцы отморозилъ.

Всѣ эти мысли я высказалъ не свои собственныя; всѣ эти мысли цѣликомъ принадлежатъ Артамону Матвѣевичу, ремесломъ лоскутнику, званіемъ мѣщанину—и большому биткѣ, когда дѣло каснется шашекъ или балалайки; за то ужъ курносый Гришка—цыгарочникъ всегда возлѣ него съ балалайкою, когда Артамонъ Матвѣевичъ изволитъ прохлаждаться въ портерной....

А вотъ и бесѣда ихъ:

На дворѣ темно,—мелкій дождь пересыпается мокрой изморозью, время около девятаго, а въ подвальной портерной—въ крайнемъ окнѣ огонь ... ни кто ни звякнетъ надъ дверью ржавымъ колокольчикомъ; прикащикъ исхудалъ бы отъ бездѣлья, да спасибо Артамону Матвѣевичу:—онъ ужъ тутъ... потѣшается шашечкой, и какой почетъ ему? Распахнулъ сибирку, присѣлъ на стулѣ, а за стуломъ стоитъ прикащикъ, не спуская глазъ съ ловкой игры гостя и его ратоборца, стараго Панфила, осѣдлавшаго скамью. Гришка только невнимателенъ: потряхивая красною ермолкою, онъ разсѣянно брянчитъ топкой струной балалайки, да искоса посматриваетъ на бесѣду незнакомаго кучера съ знакомой лебедкой....

Ну, чегожъ думаешь! валяй.... отхаживай,—говоритъ Артамонъ Матвѣевичъ....—Чего валять-то? дай умомъ, разумомъ прикинуть! вѣдь чуть промахнешь, ты опять мнѣ изгородь сгородишь....

Да ужъ я-тѣ сгорожу,—не отлытаешь.... вонъ нашенская проѣхала въ дамки; да стой, дай срокъ! еще двухъ днищемъ вверхъ поставлю.

Ахъ ты — *гисторія* затѣвущая! вѣдь, какъ учнетъ сухарями кормить такъ тутъ хоть дависъ да глотай....

Ничего—здорово братъ, съ улыбкой, отзывается Артамонъ Матвѣичь.... и долой шашку....

Это што, братъ?

А то што—взять ее, для ча не ѣла!..

Гришка все перебираетъ струну и прислушивается, какъ въ томъ углу ведутъ бесѣду....

Пѣй же—Петровна....

Да чего присталъ: пей, да пей! словно я карчага какая, такъ и наровитъ черезъ край перелить.

Эхъ ты Лебедь моя! отзывается собесѣдникъ: вотъ уйдешъ въ деревню тамъ кланяться въ поясъ не будутъ.... пѣй же.... што-ли....

Экой вѣдь, ничѣмъ не отобьешся. Красавица улыбнулась и остановила на стаканѣ ласковый взглядъ....

Пропади ты Петровна, думаетъ Гришка: на меня и поглядѣть *поначе* не хочетъ! чтожъ оно и въ самомъ дѣлѣ? Съ этой мыслію взгруснулось Гришкѣ, разболѣлось рѣтивое, запросилось высказаться.... и онъ, ударивъ по струнѣ, залился звонкой пѣснею. А русская пѣсня хоть у кого изъ души вздохъ выпроситъ....

Артамонъ Матвѣевичъ остановилъ на носу палецъ— и приникъ ухомъ къ пѣсни,—въ то время какъ его пріятель, также, задумчиво опустилъ голову надъ рѣшетчетой пашешницей. Гришка кончилъ послѣднюю ноту, брякнулъ по струнѣ—и легонько перебирая ее, устремилъ вопросительный взглядъ на Петровну, какъ бы спрашивая:

— Штожъ?.. аль ащо мало? знай пашихъ!

— Важно Гришка! примолвилъ неподвижный Артамонъ Матвѣевичъ, взглянувъ изъ подъ лобья на Петровну, которая, шепнувъ что то сосѣду, сомнительною улыбкою отвѣтила на пѣсню Гришки.

Шедрівський

III.

КУЗНЕЦЫ.

Если бы зналъ древній ковачь Вулканъ, что люди, впослѣдствіи, употребятъ его искуство на выковку обруча и подковы;—то, сковавъ перуны Юпитеру, онъ вѣрно бы выколотилъ по послѣднему глазу красавцамъ циклопамъ и, потомъ, бросилъ бы молотокъ въ Этну—вмѣстѣ съ мѣхами.... Не оскорбительно ли ему, выглядывая, въ трещину или краатеръ подземной кузницы, глотать смрадной дымъ угля отъ милліоновъ дымящихся кузницъ и видѣть, что на огнѣ его выковываются не мечь, не стрѣла, не броня иголчатая—а гвоздь, шило или просто лошата?.. Въ самомъ дѣлѣ!.. Отстраните взоръ и вниманіе отъ настоящей наковальни, отъ настоящихъ произведеній кузницъ и загляните въ прошедшее нѣсколько вѣковъ назадъ; не къ Грекамъ, не къ Римлянамъ, но хотя въ вѣкъ рыцарства.... тогда кузнецъ ударомъ молота совершалъ подвигъ, отъ котораго зависела участь битвъ. Въ немъ нуждались рыцари, трусы и герои. А теперь, онъ только годенъ для подковъ нашихъ лошадей, между тѣмъ, какъ тогда, и голову, и грудь и ноги витязя молотъ кузнеца облекалъ до того въ крѣпкій футляръ, что для жизни, попавшейся подъ копье или топоръ, не было скважины, черезъ которую бы могла она ускользнуть изъ брони. Теперь, когда стальную скорлупу, стальной нагрудникъ — замѣнила открытая, храбрая грудь, а сильный ударъ остраго копья—мѣткая пуля, кузнецъ вмѣсто латъ куетъ модныя рессоры, и вмѣсто широкаго щита—заслонки.... Древній кузнецъ былъ совсѣмъ не то, что кузнецъ—нашаго времени!

Читали ли вы когда нибудь Шертскую красавицу Валтеръ-Скотта?.. Помните ли какого молодца вывелъ авторъ полсотни увлекательныхъ романовъ? Древній кузнецъ былъ атлетъ, крѣпокъ какъ самое желѣзо и силенъ какъ правая рука Геркулеса, переходившая отъ наковальни къ битвѣ. За кружкою пива, или за застольною чашею онъ не любилъ бѣсѣды о какой нибудь клячѣ, которую поставилъ на всѣ четыре ноги.... Нѣтъ.... броня Ричарда, панцырь Берладника, да молодецкая отвага, да споръ съ пріятелемъ о силѣ: кто дальше швырнетъ до мѣста или за мѣсто тяжелый молотъ, занимали его душу и вырывали изъ устъ его хвастливыя слова. И онъ хвастался основательно, потому, что ремесло его неограничивалось гвоздемъ и винтикомъ: онъ зналъ, что тяжелый мечь, выкованный имъ,—часто и много разъ напомнитъ о немъ хозяину;

онъ зналъ, что эта широкая, закаленная сталь, сверкая на турнирахъ и въ славныхъ битвахъ, какъ завѣтный алмазъ пойдетъ изъ рода въ родъ, отъ одного витязя къ другому и, что сотня ударовъ, отмѣченныхъ ею на щитѣ врага, неразъ прочтутъ старому воину былые подвиги о шумныхъ рыцарскихъ пирахъ и о брошенныхъ перчаткахъ. Теперь кузнецъ—всю свою славу куетъ только, на молодецкомъ штыкѣ и стволѣ ружья, или карабина.

Но оставимъ первобытныхъ кузнецовъ и посмотримъ на настоящихъ.

Если вы имѣете какую нибудь наклонность къ прошлой французской драматической школѣ, и нуждаетесь въ декораціи,—рисующей царство Плутона, то пеходите дальше кузницы.... Она вамъ будетъ служить идеальнымъ сюжетомъ.... Чего вамъ и грязнѣе, и смрадиѣе и страшнѣе?

При первомъ шагѣ въ нее васъ окружатъ фантастическій полумракъ, смрадъ душитъ васъ; уши трещатъ отъ звонкихъ ударовъ молота, искры пляшутъ въ глазахъ какъ виллисы въ Жизели, и черные, грязные, съ желтыми глазами, въ пепельныхъ рубахъ лица движутся, какъ выходцы въ послѣднемъ актѣ Фауста.... Прибавьте къ этому еще вспышки красноватаго пламени на очагѣ, поставивъ его на второй планъ, и цѣль ваша достигнута! Прислушайтесь, что говорятъ эти тѣни, выпивающія каждодневно по нѣсколько чарокъ водки и по ведру квасу.

Кромѣ насъ съ вами здѣсь есть обычные и неизмѣнные посѣтители.... Это кучера, для которыхъ кузница тоже, что для насъ съ вами газета. — Кузнецъ и кучеръ нерѣдко друзья. — Они пьютъ вмѣстѣ чай, и нерѣдко обоюдно обогощаютъ питейной домъ.

Вы ждете драмы... Извольте, вотъ маленькій прологъ къ большой драмѣ, — въ которой, съ перваго дѣйствія, можете заключить о ея развязкѣ....

— Эй! Антипъ Ѳедосѣевичь, кричитъ голосъ изъ глубины Плутонова царства, и, къ видному кучеру, одѣтому въ хорошій кафтанъ, съ нахлабученною на глаза шапкою — подбѣгаетъ двуглазый циклопъ, въ коженномъ передникѣ, съ клѣщами заткнутыми за поясъ....

— Много лѣтъ здравствовать.... Тысячу лѣтъ жить, да сто тысячь нажить! продолжалъ подбѣжавшій, повертывая молотомъ и, оскаливъ бѣлые зубы, рѣзко отдѣлившіеся отъ закопченныхъ губъ и грязнаго лица.

— Спасибо.... Спасибо, отвѣчаетъ кучеръ, проводя рукою по бородѣ.... А — что голова, готова ли коляска наша?...

— Ну, братъ, еще не доѣхала до мѣста.... Знаешъ наше дѣло, что велятъ, то и работаемъ: энто, ужъ пѣняй на хозяина.... При этомъ кузнецъ оглядывается и, замѣчая отсутсвіе своего вулкана — продолжаетъ:

— Ну, а что Антипъ Ѳедосѣевичь не пройдемся ли?

— Куда эвто?

— Ну.... вѣстимо.... Эко!... Ну, чего глазами то хлопаешъ?

— Да, что ты проселкомъ выбираешься... выѣзжай на столбовую....

— Ты, то-есть, по откровенности?... изволь.... Вишь ты, вечерось, съ Павлухой, мы *маненько* подкурили.... Такъ знаешъ.... Ну вѣстимо, теперь въ голову словно въ наковальню такъ и колотитъ....

— Ну такъ что?

— Опохмѣли, голова.... ижный разъ самъ пригожусь....

— И... нѣтъ, голубчикъ.... Да, я теперь хоть окуни меня въ золото, мимо питейнаго и ходить то зарокъ далъ.

— Ой ли?

— *Правотка!*... Проподай оно....

— Такъ, нѣтъ? Ну инъ какъ знаешъ.... Я только такъ; Павлуха! крикнулъ кузнецъ — и на зовъ его явился второй экземпляръ циклопа, худой и грязный, какъ еврейская ермолка.

— Куда это ребята! Окликнулъ менторскій голосъ артельщика.

— На минуточку — Иванъ Прохоровичъ! отвѣчалъ первый кузнецъ. Друзья схватились за руки и изчезли.

Вотъ она — чарочка-то! Разсуждалъ кучеръ, выходя изъ кузницы; отъ дѣла тянетъ, просто въ пеклу прячетъ. Иной парень хоть куда.... и хорошъ бы, да маятность на умѣ, такъ и пропалъ....

День былъ ясный и теплый.... рыболовы вились надъ фонтанкою и подстерегали разыгравшихся корюшекъ — пускавшихъ надъ водою ея легкія пузырики.... Улицы были еще пусты.... На нихъ не дребезжали ни дрожки, ни пролетки — даже, еще голосистый разнощикъ не показывался на улицахъ.... Все народонаселеніе набережной фонтанки обрисовывалось, лишь, въ трехъ флегматическихъ собѣсѣдникахъ — Голандскихъ матросахъ....

Антипъ медленно подавался впередъ.... Вотъ и питейный.... Пойду мимо, проподай онъ, молвилъ кучеръ; и вдругъ зрѣлище, достойное наблюдателя,— поразило взоръ Антипа.

Два его знакомца стояли у самого порога замасле-

ной двери питейнаго и, представляли сюжетъ для кисти фламандской школы.... Худощавый кузнецъ, отмѣченный разодраннымъ передникомъ, поддерживая товарища, котораго языкъ и глаза уже заснули для жизни, — звалъ его домой.

— Ну.... Павлуха!.... маленькую.... Слышъ! говорилъ первый кузнецъ, забывая запасъ пѣннаго за передникомъ....

— Слышъ ты, аль нѣтъ, отвѣчалъ другой.... артельщикъ осерчаетъ.... Пойдемъ!...

— Осерчаетъ... Проподай онъ.... Проподай.... Знать не хочу ихъ и съ хозяйномъ.... Павлуха.... маленькую.... Ну-же!...

— Вотъ она чарочка-то! Снова подумалъ Антипъ, заложивъ за спину руки и устрѣмивъ взоръ наблюдателя на подгулявшихъ пріятелей.

— Эко, плохо!... заключилъ онъ: вишь-ты.... Стало быть отъ одной до десятка не далеча.... Пошли таки опять въ кружало!

IV.

СБИТЕНЬЩИКЪ.

Высоко взвивался утренній дымокъ надъ городскими трубами, сливаясь съ сѣдыми облоками, быстро пробѣгавшими октябрское небо. Природа хмурилась, готовая брызнуть или мелкою изморозью — или пушистыми хлопьями снѣга, влажными какъ и самый дождь. Съ дикимъ, протяжнымъ крикомъ вѣщуны вороны перелетали съ оголенныхъ сучьевъ рябины на вѣчно зеленую ёлку.... Все избѣгающее насморка и кашля спѣшило къ теплому углу, или къ роскошному камину.... Задумчивый джентельменъ не пробивалъ медленно обычной тропы на тротуарѣ, лорнетъ льва не сверкалъ на прищуренномъ глазу его, и легкіе сильфы сѣвера, наши румяныя красавицы, спрятавъ острый носикъ въ пушистую муфту и, выставивъ граціозную ножку да бѣлоснѣжный чулокъ, какъ запоздалыя пташки перепрыгивали по камнямъ, чрезъ лужи, покрытыя легкимъ слоемъ льда. Улицы были почти пусты.... Только дѣловой человѣкъ, прижавъ между сердцемъ и боковымъ карманомъ конвертъ, перебѣгалъ дорогу, пощипывая уши; только *Ванька*, напѣвая свою пѣсню, изрѣдка приговаривалъ: Эхъма.... хоть бы маленькій морозикъ, да снѣжку бы пересыпало!...

А тамъ, на исходъ улицы, какъ бы гармонируя общему усыпленію, вѣчный скиталецъ столицы, незванный гость ея, плохо знакомый съ суровой природой сѣвера, общипанный шарманщикъ, наигрывалъ нестройную, но тѣмъ менѣе такъ сладкую пѣсню нашему сердцу, влюбленному во всё родное....

Лучина-лучинушка, — лучина березовая! Не твой ли задушевный мотивъ, не твой ли напѣвъ, такъ мягко щекочущій сердце заставлялъ не разъ вздрагивать душу и, потомъ, погружалъ ее — или въ раздольную нѣгу, или въ грустное воспоминаніе!.. Не въ тебѣ ли таится цѣлая поэма мечтательной жизни нашего сѣвера? Прислушайтесь къ ней, къ ея обаятелному шопоту, и вглядитесь въ ея вѣчно юную свѣжесть... Вглядитесь въ эту сказску, подслушайте ее тогда, какъ всё, или дремлетъ, или когда непогода запретъ въ домы за двойную дверь весь людъ. Вслушайтесь въ нее и душа откликнется на сладкій призывъ ея, на романическій зовъ этой народной мечты! А — онъ, подъ чьею продрогнувшею рукою льются эти металическіе звуки, онъ горькая, печальная противоположность этой

говорящей поэмы... онъ пасквиль на поэзію! Нужда бѣжитъ по пятамъ его, горькое будущее выстелаетъ ему дорогу.... Вотъ онъ, сосвоимъ вѣчно ничего не выражающимъ взглядомъ; со своею вѣчно убійственною холодностію ко всему, медленно проходитъ городъ, ловя въ окнахъ любопытный взоръ, а всего чаще юную головку дитяти. Такая головка навѣваетъ на него надежду, онъ щелкаетъ пружиной шарманки, выставляетъ впередъ ногу и, не спуская глазъ съ замѣчаннаго окна напгрываетъ свою обычную мелодію, выжидая ничтожной подачки, капли, которая вмѣстѣ съ другими каплями составитъ для него питательный глотокъ....

И звукъ стоналъ, переливался;
То замиралъ, то трепеталъ....
И въ сердце нектаромъ вливался,
И думу въ сердцѣ воскрешалъ....

И въ то время, когда бѣдный, кочующій Орфей хотѣлъ согрѣть вамъ душу своими звуками, сѣдой сбитеньщикъ, пріосанясь и поправивъ мѣховую шапку, усадилъ какого то мѣщанина на тумбу около забора, вручилъ ему стаканъ горячаго напитка и молодецки подмигнувъ однимъ глазомъ, — обратился къ первому прохожему съ своимъ обычнымъ привѣтомъ всегда однообразнымъ какъ пѣсня кокушки; не преминувъ между тѣмъ высказать и сочувствіе къ музыкѣ.

Эхъ ты — душа пѣсня.... разлюли потѣшная; такъ и прохватила сердце грѣшное... Эхъ, лучина лучинушка..., старина ты старинушка...,

Эй — слышь, паринекъ....
Вотъ у насъ сбитенекъ....
Кипитъ закипаетъ....
Губки слипаютъ!
Раскрывай-ко ротокъ:
Принимай кипятокъ....
Ай да — нашъ сбитнекъ!...

Слышь.... *падать* голова, что ли? окликнулъ онъ рослаго ломаваго извощика, щелкнувъ по крану баклаги.

— Для ча не надо? отвѣчалъ послѣдній.... Налей Микита.

— Изволь!

Вотъ у нашего Микитки, —
Разлихіе есть напитки:
Кипяткомъ обдаю, —
Чуть не даромъ даю.
Пей душа, — не чванись....
Пей красавецъ — не жгись!

Съ этой присказской, ухарской Никита нацѣдилъ стаканъ сбитню и подалъ его извощику.

— Эхъ вы, голь Касимовская, продолжалъ онъ, когда покупатель взялъ горячій хрусталь.... И стаканъ-то брать разъучились.... Вишь ты, словно подкову горячую понесъ на языкъ. Чай, не бойсь....' харчевни росписныя изболовали васъ? Тамъ, дескать, вошелъ, шапку швырнулъ на столъ и ну зудить по тарелкѣ: половой, слышь, не видишь неучь, что ли... *мы-ста* пришли! Охъ вы, баловный народъ: на сахарѣ зубы прогрызли въ настойкѣ языкъ промочили! — Не то, братъ, было въ наше время.... Трактиръ-то, да харчевню за пять верстъ обходили, — бѣгали отъ нихъ, какъ бѣсъ отъ ладону.... А вотъ голубушка, онъ ударилъ по боклагѣ,—она, кормилица, согрѣвала насъ, да также до седьмаго поту прохватывало не хуже вашего....

И тутъ-то сбитеньщикъ сѣдой
О старинѣ разговорился....
Вздыхалъ, качая головой
На нынѣшній народъ дивился.
Давно ли я ходилъ съ боклагой,
Мой сбитень пили господа,
А наша братья — борода
Бузою забавлялась брагой....

Всяческій народъ пивалъ нашу бражку: и кавалеры молодцы, и чиновный людъ, и купецъ почтенный; а нынче, вишь — имъ трактирный кипятокъ слаще сталъ.... Вѣдь знаемъ, что грѣха таить, чѣмъ васъ въ харчевняхъ угощаютъ: пять ведеръ кипятку, да два листочка чаю.... Тулупъ папарю дескать за пятакъ. Бывало, сказать примѣрно, когда у балагановъ пріютимся... наливать неуспѣваешь—какъ мухи къ меду, всѣ такъ и льнутъ къ тебѣ, а нонче какъ посмотришь такъ слеза пробьетъ съ досады.. . Кой гдѣ увидишь за прилавкомъ два, три тулупишка сидятъ, — а прочіе, кто тѣшится по одаль орѣхами, да пряникомъ, да пирогомъ.... Со всемъ народъ избаловался!

Бывало только покажись въ гостиномъ, да затяни:

Какъ у нашего Микитки....

На перерывъ сто голосовъ откликнится.... Никита! Ей, слышъ.... давай—что-ли? Да еще бывало иной прочій примолвитъ, что дескать поздно пришелъ? а теперь, хоть провались Никита и съ баклагой, нужлушки имъ будетъ мало.... Чай, да сахарокъ.... Въ прищелку, видишь—стало *авантажней!*... Ужъ нечего сказать, зналъ и я почетъ, да отошла лафа. Бывало негнушались господа... Къ себѣ нарочно позовутъ бывало, сначала людъ поподчивать велятъ, а сами пѣсню спѣть прикажутъ.... Эхъ, пѣсня, многихъ потѣшала ты! А, что теперь нашъ братъ?... Хоть уплетайся за заставу... Гдѣ промышлять-то, на толкучемъ, *што ли?* И тамъ,

опять, трактиръ открыли.... Ужъ этакъ, господинъ, какой *напасть*, не отзовется къ сторонкѣ, за заборъ, да не велитъ поподчивать медовымъ.... Ну, пусть — вотъ хоть бы, молвить къ слову, вашъ братъ, извощикъ ломовой, до сбитню не охотникъ ... вамъ чарка нѣшнаго нужнѣй.... Какъ похруститъ спина подъ ношей, подъ цѣлой дюжиной кулей, да руки намотаешь, таская шканы, да фигурные комоды.... Ну, тутъ ужъ сбитень силы не вернетъ, давай роднаго зеленчаку... А прошу прислушать, вотъ, этотъ извощикъ легковой, *Ванюха* по прозванью, туда же наровитъ, куда и купчикъ и прикащикъ.... Закуской прохлаждается подъ часъ.... Озябъ до смерти, такъ вотъ и причина, за чѣмъ послѣдній грошъ тащитъ въ харчевню. Озябъ! такъ сбитень ней.... Огь кипятку и ледъ разстаетъ, не токмо—братецъ борода...

Пыталъ держать я также сбитеньную.... Вотъ былъ въ ней прежде толкъ. Бывало, что ключемъ кипятъ два огромныхъ самовара, что твои котлы.... Царь бьетъ клубомъ и зазываетъ встрѣчныхъ. Вошли.... Усадишь ихъ за ситцевую занавѣску; подашъ имъ бубликовъ пятокъ, да съ перцемъ горячаго въ стаканахъ, а самъ присядешь и прислушаешь кой что; тамъ про деревню, иной разъ служивый скажетъ про походы, дворовой несетъ новости.... А ну-ко, ну, теперь! Видалъ я сбитеньныя.... Пустехоньки, хоть шаромъ покати.... И бублики зачерствѣли, да и полуда-то въ баклагахъ откипѣла ни за что!

Еще житье сбитеньщику теперь въ Москвѣ, да тамъ въ иныхъ и прочихъ городахъ.... Зимой съ баклагой на проспектѣ, а лѣто съ квасомъ по садамъ. А здѣсь.... Забыли всѣ теперь Микиту.... На дняхъ, вотъ только, дай Господь здоровья, какой-то господинъ зазвалъ меня.... Ну, думаю сердечный вспомнитъ старину.... Спасибо.... Отвѣдать хочетъ бражки; анъ нѣтъ, кормилецъ.... ужъ, какъ порадовалъ меня.... *патретъ* списалъ, опъ видишь ли съ натуры пашихъ пишитъ, да и целковый далъ еще.... А, вѣдь за что? Минутъ десятокъ простоять заставилъ, только...

— Что жъ, надобно еще? спросилъ Микита, окончивъ свою повѣсть и принимая стаканъ. — Нѣтъ, отвѣчалъ извощикъ, доставая изъ пестраго платка гривну.

Микита нахмурилъ брови и уставилъ на земляка взоръ полный досады. Эхъ вы — народъ, добавилъ онъ, всё то не по пашенски.... Бывало денежку нашивали за голенищемъ, въ сапогѣ, а *нонче* посмотришь на васъ, какъ дѣвки красныя, въ платочикъ прячутъ серебро!

Шедровицкій

V.

НЯНЯ.

Няня... вотъ нашъ первый звукъ, наше первое слово—послѣ папа и мама.

Вотъ одинъ изъ русскихъ типовъ, который въ настоящее время начинаетъ блѣднѣть и терять свою рельэфность, свои типическіе оттѣнки, столь напвные и столь интересные.

Между пяпьками, лѣлѣевшими нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, и нашими, нельзя не замѣтить огромной разницы.

Няня вашего дѣдушки была женщина русская, старинная няня, со всемъ ея добросердечіемъ, съ любовію къ простотѣ и откровенности, съ прекраснымъ желаніемъ, какъ говорится по русской пословицѣ: отколоть напрямки, никогда не кривя душою. Воля ваша, говорила она, а невозьму грѣха на душу. Всѣ страсти няни вашего дѣдушки были сосредоточены на немъ, всѣ ея желанія въ немъ. Эта женщина прилѣплялась всѣмъ существомъ своимъ къ своему *кормильцу*, къ своему *непаглядному*. Она сживалась съ своимъ младенцемъ до того, что дѣтище ею взлѣлѣянное дѣлалось какъ бы роднымъ ея дѣтищемъ. Заключенная въ свой тѣсный міръ, въ свою дѣтскую, она, какъ нянька нашего времени, не бродила думою за пестрымъ ситцемъ и рогатымъ чепномъ. Няня вашего дѣдушки была женьщина удивительная, съ ея причудами, съ ея умѣньемъ однимъ разсказомъ замѣнить малюткѣ гармопику и погремушку.

Захваралъ ли ея питомецъ, за блажилъ ли черезъчуръ,—и она съ рѣдкимъ самоотверженіемъ забывала свой покой, свою старость, проводя безсонныя ночи за люлькой и заупывной пѣсней.—»Съ глазу, мой батюшка«! говорила она, лаская жаркую головку малютки.

Няня! спрашивали ее: что это Ваня блажитъ у тебя, по ночамъ? Здоровъ ли онъ?

— П... что вы? Христосъ съ вами! отвѣчала она; вѣстимо здоровъ! Такъ, что нибуть приключилось, моему голубчику.

— Не сказать ли доктору?

— Господь съ нимъ! на что тутъ *дохтуръ*? Богъ милостивъ! и такъ пройдетъ...

А между тѣмъ старушка, лаская своего не наглядпаго Ваничку, спрашивала его: гдѣ *бобо* — душенька?

— Тутъ, няня! тутъ...

— Ну такъ и есть... съ глазу захирѣлъ, родимый! Постой-ка, вотъ, мы твое *бобо* букѣ отдадимъ; и она, со всею вѣрою въ свои предразсудки и простоту—дула на него съ уголька.

Ребенокъ иногда и дѣйствительно оживалъ и бодрѣлъ.

Отъ чего же это? Не ужели уголекъ няни былъ такъ могучь?... нѣтъ, любовь няни, ея заботливость были вѣрнымъ лѣкарствомъ, силу котораго она и сама не подозрѣвала.

Теперь ужъ няня—не та! Ей свой покой дороже здоровья питомца, и капризную блажъ его она уже не встречаетъ ласкою и приголубливаніемъ.

Темною ночью просыпался рѣзвый малютка...

Спи батюшка! спи мой жизненочекъ! шептала няня.

— Не хочу спать, няня!— не хочу!

— А воинъ и киска спитъ: надо спать, моя касаточка.

— Не хочу—няня!

— Ну, ну—неблажи родной! Вотъ я тебѣ сказску скажу про богатыря Додона. Послушай-ка!

Малютка успокоивался, прижимался къ нянѣ, уставляя на нее свои любопытные, заспанные глазенки; а няня заводила обычную исторію: *въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ*... и подъ ея разсказъ и прибаутки Ваничка дремалъ и засыпалъ снова.

Бѣжали годы. Ваничка выросталъ... Пѣсню няни и ея сказку замѣняли важное лице педагога или семинариста. Ваня уже забывалъ свою няню, а она все была съ нимъ своимъ сердцемъ.

Ваня дѣлался уже Иваномъ Ивановичемъ; чиновникомъ солиднымъ, важнымъ; или молодцомъ бравымъ, или статнымъ—бодрымъ воиномъ; а няня всё видѣла въ немъ Ваничку.

Помнишъ, батюшка! говорила она,—приходя поздравлять съ годовымъ праздникомъ своего питомца,—какъ ты мячикомъ—большое зеркало-то?...

Помню, незабылъ няня, отвѣчаетъ Иванъ Иванович; —еще ты на кошку—всю бѣду свалила.

И тутъ начинались воспоминанія, въ которыхъ для няни отражалась вся жизнь, все счастіе былаго.

— Этакого молодца, этакое сокровище я вынянчила! говаривала она... Кто-бы могъ подумать: маленькій такой былъ; а теперь офицеръ, мой голубчикъ! вѣсь въ золотѣ! Вотъ, *кабы* Богъ послалъ жену красавицу, не нарадовалось бы мое сердце.

Блаженная старина! Гдѣ теперь эти добрыя, честныя старушки? эти няни, къ которымъ такъ довѣр-

чивы были романическія *Татьяны*, наши скромныя, робкія прабабушки? Сколько романовъ было на памяти у такой няни, взлѣлѣявшей двухъ или трехъ красавицъ?

Первая болѣзнь молодаго сердца, первый вздохъ по миломъ, первыя мечты и первое очарованіе—повѣрялись такой старушкѣ.

Няня! говорила красавица, — *онъ* опять мнѣ снился.

— Ну, стало быть, онъ думаетъ о тебѣ, моя ласточка!

— Въ самомъ дѣлѣ, няня?

Да, ужъ такъ, коли снится!

— Ахъ няня! какъ я люблю *его*.... онъ такой молодецъ!

— Красавецъ! Поди-ко изныль по тебѣ сердечкомъ?...

— Ты думаешь?

— Еще бы! Такая красавица писанная, какъ ты мой жизненочикъ, приглянулась ему, да не выболить сердцемъ! А ужъ добрый человѣкъ, нечего сказать.... Ономнясь встрѣтилъ меня: здраствуй, говоритъ, старуха! На-ко тебѣ, говоритъ, на баранки!... здоровали говоритъ, барышня? кланяйся ей.

— Спрашивалъ обо мнѣ?

— Какъ же! Почитай ни одного разу не пропуститъ, чтобы не спросить о тебѣ.

— Ахъ няня! вѣдь онъ сказалъ, что любитъ меня.

— Сказалъ?

— Да.... онъ мнѣ написалъ! Онъ говоритъ, что жить безъ меня не можетъ, что умретъ, застрѣлится.

— Ахъ ты родимой! Экъ онъ тебя любитъ! Добрый онъ человѣкъ! Дай Богъ ему здоровья, за то что любитъ мою касаточку!

Вотъ старинная няня; не такова она нынче.

Няня взлѣлѣявшая насъ, больше не русская, часто сварливая и капризная столько же, какъ и ея питомецъ. Она, только въ глазахъ отца и матери—добродѣтель.

Въ часъ ночной тоски, она рѣдко приголубитъ малютку и убаюкаетъ его пѣсенькой или сказской. Въ немъ для нея средство къ достиженію своихъ прихотей.

— Ваничка! говоритъ она, поди отпроси меня у мамы со двора.

— Не хочу!

— Ну такъ лялю отыму, — лошадку твою волку отдамъ.

— Оставь няня лошадку, я пойду къ мамѣ!

И ребенокъ идетъ просить за няню, не изъ сердечнаго побужденія, а отъ робости, что она отниметъ у него лошадку.

Случалось ли вамъ видѣть, гдѣ нибудь въ саду, или на лугу, толпу няпекъ съ толпою ребятъ. Будьте увѣрены, что тутъ забавляются не дѣти, а ихъ мамки. Сплетни про господъ и пересуды, вотъ ихъ сюера, вотъ ихъ жизнь!

Въ домашней жизни онѣ, съ утра до вечера, заняты иглой или перебранкой съ кормилицами. Причины къ ссорамъ родятся безпрестанно....

Въ полночь проснулся и заплакалъ ребенокъ.

Анисимовна! говоритъ няня, смотри твой разрѣвелся! Уйми его.

— Мой? Эко дѣло! *нешто* не слышу, что мой, или твой? Мой-то звоно, какъ спитъ!

— Да ну, всё равно.... тебе недалечё, угомони его!

— Ишъ-ты, буду я вставать для твоего баловня!

Ухъ ты этакая, думаетъ няпька, лежобочка! прости меня Господи! Эка невидаль! только и дѣла, что ѣстъ, да пьетъ, да въ день разъ другой накормитъ ребенка. Постой ты у меня! Я тебя выучу, я тебя сживу изъ дому, или приберу къ рукамъ! И точно няня Ѳомы Ивановича въ слѣдствіе подобной ссоры прибрала къ рукамъ свою товарку кормилицу.

II.

Няня Ѳомы Ивановича сварливая и неугомонная, не любила Сазоновны, молодой румяной кормилки. Вражда началась обыкновеннымъ порядкомъ и война была объявлена. Хитрая няня изощряла весь свой умъ, чтобы какъ нибудь подкараулить Сазоновну — и подкараулила!

Однажды въ жаркое Іюльское утро, Сазоновна расположилась на дворѣ, подъ тѣнью развѣсистой березы, приголубивъ грудпаго малютку; а Ѳома Ивановичъ, тогда еще Ѳомушка не большой, невзрачный и курносый, свѣсивъ ножки и улыбаясь на прыгающаго воробья, помѣщался рядомъ съ Сазоновною. Няня въ своей пестрой кацовейкѣ и пирамидальномъ чепчикѣ прохаживалась по двору, *тютюкая* маленькаго братца Ѳомы Ивановича, изрѣдка бросая косые и подозрительные взгляды на Сазоновну, которая со всею откровенностію русской молодицы, уставила нескромный, улыбающійся взглядъ на молодаго, знакомаго ей рыбака.

Минута была картинная.... Торговецъ отогнулъ полу фартука и, вытащивъ свой кожанный мѣшокъ оставался въ этомъ положеніи, видимо — чегото выжидая, между тѣмъ какъ его покупатель, заложивъ руки за узорчатый кушакъ, погрязъ всею думою надъ бадьею съ рыбою.

Няня не проронила этой минуты.

— Сереженька! спросила она своего питомца; что дѣлаетъ Сазоновна?

— Смѣется, — пяня!

— Кому смѣется?

— Мужику, — няня!

— Ага!... постой голубушка! Знаемъ мы этихъ рыбаковъ, знаемъ зачѣмъ онъ сюда повадился ходить!

Послѣ того хитрая пяня принялась пытать и Ѳомушку, когда дѣти воротились съ гулянья.

— Ѳомушка! спрашивала — она, Сазоновна говорила съ мужикомъ, что иногда рыбку приноситъ?

— Говорила, простодушно отвѣчалъ мальчикъ.

— Что же она говорила, душенька?

Когда онъ пошелъ мимо ее, Сазоновна сказала: Сеня! приходи ужо покалякать на Измайловскій плацъ, я съ дѣтьми буду тамъ. Этой старой вѣдьмы не будетъ! Право няня! она тебя назвала вѣдьмой...

И торжество няни было несомнѣнно. Съ тѣхъ поръ Сазоновна принуждена была исполнять каждую прихоть няни; нето она тотчасъ напоминала ей Измайловскій плацъ и рыбку...

VI.

ТРИШКА.

.... Первые спы Тришки укачивала не колыбель, не люлька, а просто зыбка, повѣшенная на длинномъ шестѣ подъ потолокъ курной избы; младенчество его прошло въ забавахъ съ курами и пѣтухами; юность въ умѣньи отличить грошъ отъ гривенника, или свинчатку отъ простой бабки. Настоящая эпоха жизни для него началась съ прихожей, когда онъ сдѣлался хозяиномъ вѣшалки и ваксы. Трифонъ, съ этой минуты, сталъ понимать наслажденіе жизни: онъ уже рѣдко просыпался теперь прежде барина, рѣдко оставлялъ ему недопитую бутылку — вина и недоѣденнаго рябчика, рѣдко не бранилъ передъ господиномъ лавочника, или разнощика за то, что тотъ его общитываетъ. Едва затворялись двери за барином, какъ Трифонъ у окна: свѣсилъ голову и безцеремонно поплевываетъ на дворъ, или молвитъ ласковое слово встрѣчной прачкѣ.

— Ну чего ты плюешся, озарникъ! вотъ возьму, да мокрой тряпкой, такъ и озадачу, говоритъ обиженная пастушка.

— Ой—ли! откликается Тришка. А нешто ты Палаша леденецъ, что ли? Небойсь растаяла! эвося! ужъ и не потруни съ нею....

— Много вашего брата, холоповъ! амбиціи-то ни какой незнаешъ, прорѣшникъ ты энтакій!

— Ну—у....поѣхала! ишъ—ты про холобство! важная краля! ахъ ты мыльница, марьякъ касимовскій!

— Да что ты Тришка привязался? аль я тебѣ на посмѣяніе напрашиваюсь? Вотъ ужо-ть-ко! дай повстрѣчаю барина, всю твою дурь разскажу....

— Ну—вотъ и до барина ужъ пошла! правда сказано: «не тронь бабу, коли хочешъ зеньки зберечь.» Пропадай ты злущая! съ этими словами Тришка захлопнулъ окно, потянулся, зевнулъ, сунулся на лавку и захрапѣлъ. Звонокъ, другой! Тришка вспрыгнулъ, какъ полоумный; сунулся къ дверямъ, отворилъ ихъ и дойдя до мѣста только по инстинкту, все еще видитъ во снѣ деревню и сладость деревенской утопіи.

— Баринъ дома?

— Ни какъ-нѣтъ-съ!

— Скоро будетъ?

— Немогимъ знать, ни чего не приказывали-съ!

— Да онъ обѣдаетъ дома?

— Почитай кажиный день-съ!

— Я спрашиваю.... сего дня?...

— Немогимъ знать-съ! може обѣдаютъ, а можетъ статься — гдѣ ни наесть кушаютъ-съ.

— Ну, такъ скажи, что былъ Карлъ Ивановичь Бодель. Слышишъ?...

— Слушаю-съ!

Двери захлопнулись, Тришка готовъ захрапѣть снова. Но вотъ, опять звонокъ! явился баринъ.

— Ты все спишь лентяй!...

— Ни какъ нѣтъ-съ! только вздремнулъ маненько.

— Вижу я по глазамъ твоимъ!

— Слушаю-съ

— Былъ кто нибудь безъ меня?

— Былъ-съ ... Пудель!...

— Что такое? какой Пудель!

— Чернилькой-съ, курчавый, не большой такой!

— Да что ты городишъ вздоръ? за чѣмъ онъ забѣжалъ сюда?...

— Не могу знать-съ! васъ спрашивалъ.

— Что-о... Пудель, меня спрашивалъ? ахъ ты простофиля! вѣрно ты перевралъ!

— Нѣтъ-съ! точно-съ!

— Да кто это.... человѣкъ или собака?...

— Трифонъ ухмыльнулся....

— Какая собака? сударь! вѣстимо человѣкъ прихо дилъ.... въ очкахъ-съ, и тросточка, такая знаете, еще головка на ней словно птица какая....

— Да какъ его имя... говорилъ?

— Говорилъ!... имя.... вѣстимо нѣмецкое!... Карлъ Ивановичъ прозывается....

— Такъ это Бодель! экой ты братецъ неучь! и этаго то твоя башка неможетъ упомнить! Пошолъ.... сходи за обѣдомъ.

— Ишъ ты! думаетъ Тришка, гдѣ же нашему брату всякія слова помнить?...

Баринъ отобѣдалъ, уснулъ, выкурилъ двѣ трубки, потребовалъ галоши, шляпу, трость и ушолъ... За нимъ и Тришка! Куда? къ такому же человѣку, какъ и самъ, побаляснчать о томъ какъ его разобидѣла прачка, и пригласить пріятеля поиграть въ носки. Да пойдемъ, говоритъ: у меня ни камаръ, ни муха не помѣшаютъ намъ.

Сальный огарокъ пылаетъ па окнѣ, а Тришка и Левка, усѣвшись на ларь румянятъ носы другъ другу.

— Баста, Левка! говоритъ Тришка. Больно дерешься!

— Что разписалъ молодца? Ну еще разокъ!

— Ни.... ни!... Ты вѣдь ишъ какой азартный! уговоръ былъ за проигрышъ отвѣчать носу, а ты вонъ ужъ и по лбу заѣхалъ. Нѣтъ, отваливай!

— Да ну, полно! чего зартачился?

— Не стану, говорятъ тебѣ....

— Охъ ты краля вальяжная! посъ бережетъ! вѣдь носъ-то твой не хозяйская трубка.... бѣда невелика, коли расколится!

— Смѣйся, смѣйся!

А тутъ и баринъ въ двери.—

— Опять за картами!... А? Сколько разъ говорено, что бы ты не смѣлъ играть? Знаешъ ли ты, что отъ картъ до воровства недалеко... проиграешъ грошъ, тамъ пятакъ.... Своего неслучится, въ чужые карманы полезешъ!

— Вотъ я тебѣ!... Дай сюда карты!

Масленая колода полетела въ печь.... грустно смотритъ Тришка, какъ бубновый валетъ, корчась и подпрыгивая, обугливается въ печкѣ....

На другой день послѣ нотацiи барина, Тришка далъ зарокъ не играть и невѣдать злой корысти.

Прошло много лѣтъ. Тришка не разъ въ это время задумывалъ жениться, да не могъ приласкать себѣ ни одной невѣсты, и замѣнилъ жену трубкою, а счастiе семейной жизни мохоркой. А между тѣмъ онъ уже возмужалъ, пересталъ поплевывать въ окно, попривыкъ къ дѣлу. Геръ-Буделя, какъ слѣдуетъ, называлъ Буделемъ, и за барина готовъ былъ

въ огонь и въ воду. Съ кѣмъ ни встрѣтится въ это время Трифонъ.... первая рѣчь о баринѣ:

— Добрѣющей души человѣкъ! говоритъ онъ, и сказать безъ—облыжно, слова-дурнаго отъ него никогда не услышишъ.

Вотъ наконецъ, по какому то дѣлу, баринъ собрался въ Питеръ. Трифонъ съ нимъ.... пріѣхали.

— Ахъ-ты море бездонное, сторона ненаглядная! думаетъ Трифонъ. Вотъ Питеръ-то! ну-городокъ! все то на *иной* ладъ тутъ! дома словно горы Валдайскiя! ночью свѣтлехонько—какъ днемъ, а днемъ словно въ муравѣйникѣ! такъ вотъ, все и снуетъ у тебя подъ носомъ! Дорого только бѣдовски все: иголка грошъ, а до калача и недотронься.... хоть пять дней изъ печки, а все сжется! За то ужъ народъ *туточи*, просто, такой великатности и во снѣ не увидишъ у насъ, тамъ-въ Ковылькахъ. Вѣдь кажется, вотъ, я простой человѣкъ,— а всякiй ко мнѣ съ уваженiемъ....

Разъ какъ-то вечеромъ барина не случилось дома. Трифонъ закурилъ свою неизмѣнную трубку и вышелъ на дворъ, не обращая вниманiя на встрѣчныхъ, которые смотрѣли на него съ видимымъ любопытствомъ. Да ужъ и было на что взглянуть!... Борода Трифона, не бритая болѣе недѣли, представляла вытертую по-

ловую щетку; довольно помятая шляпа, сдернутая къ затылку, открывала все его лицо, не знакомое съ мыломъ; высоко подвязаный галстухъ, рыжій по цвѣту, сальный по обыкновенію, гордо подпиралъ не бритый его подъ-бородокъ. Вѣтеръ сквозилъ въ дырьяхъ его коротенькаго казакина и безжалостно трепалъ брюками, спрятанными за голенищи сапоговъ. Вдыхая прохладу лѣтняго вечера, Трифонъ, безпечно прошелъ дворъ и уже готовъ былъ выйти за ворота, какъ громкій говоръ, выходившій изъ растворенныхъ дверей сарая, остановилъ его вниманіе. Трифонъ заглянулъ въ сарай, и немогъ избѣжать искушенія: онъ переступилъ порогъ этого сорнаго пріюта и дополнилъ собою картину, которую мы сей часъ нарисуемъ.

Въ полумракѣ сарая, между кадкою и ведромъ, на закраинѣ стараго ящика—помѣщался дворникъ, нарядившійся въ какой то костюмъ, не-то турка, не-то армянина; напротивъ его, отдѣленный толстымъ поленомъ, замѣнявшимъ столъ, возсѣдалъ на другомъ полѣнѣ недавно вывезенный въ Питеръ деревенской парень. Эти два лица коротали вечеръ за картами. Свидѣтелемъ сцены оставался глубокомысленный водовозъ, возлѣ котораго и помѣстился Трифонъ.

— Ну, што ли! вѣдь ушибу!.. сказалъ дворникъ, готовый ударить по обрубку картою.

— Чего ушибу? дай *маненько* пораздумать!

— Чего думать-то? чего тутъ считать? хоть палецъ въ носъ спрячь, не здобровать!

— Ой-ли, голова!...

— Чего ой-ли?... Ну.... пошла! вотъ такъ! ну.... вишъ ты.... вонъ она! голубушка-то выхлестала... четвертачекъ нашъ!

— Четвертакъ! подумалъ Трифонъ. Экъ въ Питерѣ-то деньги, стало быть, ни почемъ! четвертакъ! экіе мотыги! да на четвертакъ я бы и махорки, и ситнаго и студени вдоволь накупилъ! Нѣтъ! подумалъ окончательно Трифонъ, пыхнувъ изъ трубки.... баринъ говорилъ правду: не вдавайся Тришка въ азартъ!... онъ покачалъ головою и примолвилъ: четвертакъ дѣло великое! пропади ты лихая карта!

Съ этими мыслями Тришка отправился на свою койку грезить о прежнихъ заблужденіяхъ молодости.

Шедровицкій

VII.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВАНЬКА.

Ночь тиха, — дорога гладка,
Православный спитъ народъ:
Сухопарая лошадка
Ваньку соннаго везетъ....

Если не совсѣмъ соннаго, то—непремѣнно дремлющаго, утонувшаго въ своихъ саняхъ и созерцаніи о суетѣ мірской и дороговизнѣ сѣна.... Городъ смолкъ, измученный треволненіями своей щепетильной жизни; только въ однихъ булочныхъ сверкаетъ скудный огонекъ; только окликъ дежурнаго дворника, свернувшагося суркомъ на своемъ гранитномъ подъѣздѣ, или нескромный, протяжный зѣвокъ фонарщика; да лай сторожеваго пса — нарушаютъ глубокій сонъ города — и Ваня также акомпанируетъ этимъ отголоскамъ Петербургской ночи, скрипомъ своихъ саней, дребезжаніемъ разукрашенной уздечки и фыркапьемъ своей саврасенькой.... Изрѣдка вы заслышите его заунывную пѣсню, болѣе похожую на мурлыканье кота.... Въ этотъ часъ городскаго усыпленія и онъ прячетъ свой носъ запасуху, съ непремѣннымъ намѣреніемъ вздремнуть... но невѣрьте ему... его дремота тревожна, какъ дремота скряги. Мысль его далеко, — она въ теплой избѣ, подлѣ жены и ребятъ, или въ расписной харчевнѣ, а чуткое ухо всегда на сторожѣ.... Какія бы грезы не смущали душу Вани, хотя бы самолюбивая дума его остановилась на синемъ кафтанѣ, праздничномъ кушакѣ и плисовой шапкѣ.... ухо его на сторожѣ; оно не проронитъ легкаго шелеста подъ ногами запоздалаго прохожаго.... глухое для всего прочаго, оно чутко на магическій окликъ: *извощикъ!*

При этомъ окликѣ — всѣ мускулы Вани приходятъ въ движеніе — вмѣстѣ съ кнутомъ и возжами. Врагъ быстрой ѣзды опъ, — въ эту минуту, готовъ опередить пегаса, раздавить и смять сотню себѣ подобныхъ лишь бы только откликнуться: *Далече ли сударь*? Едва только вы закинули ногу въ его допотопныя салазки, изъ особой учтивости названныя санями, какъ невзрачная лошадка, по видимому, съ нетерпѣніемъ нѣсколько разъ рванетъ впередъ; но умоститесь со всею — важностію въ этихъ салазкахъ и рьяная саврасенькая ни съ мѣста.... Для человѣка заѣзжаго, незнакомаго съ обычаями извощиковъ и ихъ лошадей, такой обманъ, едвали не оптическій, — покажется страннымъ. Для насъ Петербургцевъ — это вещь обыкновенная. — Мы, вслѣдъ

за тѣмъ равнодушно ждемъ щелчка кнутомъ или возжами; сначала по нашему картузу, потомъ уже по лошади. Здѣсь часто страдаетъ не одинъ картузъ, но даже и носъ, не рѣдко, задѣтый заживое желѣзнымъ билетикомъ Вани, которымъ играетъ ночной зефиръ.... Но вотъ — возница тронулась.

Вы молчите — вамъ дремлется, потому что уже время за полночь, и духъ вашъ возмущенъ нѣсколько маленькимъ проигрышемъ, или несправедливостію пріятеля, *подсидѣвшаго* вашу довѣренность.... однимъ словомъ вы неразговорчивы.... такой сѣдокъ рѣшительно не понатурѣ петербургскаго извощика, готоваго на словоохотливость сѣдока всегда отвѣтить краснымъ словцомъ. И потому, Ваня, подергивая плечами и, выбивая какую то замысловагую дробь древкомъ кнута о передокъ саней, — сначала начинаетъ покрякивать, потомъ, изрѣдка, побранивать лошадку или скромно жаловаться на дурную погоду.... Видя, что неудается и этотъ маневръ, онъ рѣшается тогда сдѣлать вамъ невинный вопросъ, въ родѣ слѣдующаго: А что, сударь, нешто ужъ поди-ка не рано?

—Да, двѣнадцать или два, коротко отвѣчаете вы.

—Двѣнадцать? эвоно!... а и *впрямь* пожалуй *што такъ!* вонъ ужъ и магазины и погребки заперты....

Здѣсь словоохотливость сѣдока получаетъ вѣрный толчекъ. — Дорога длинная, ухабы глубокіе, — саврасенькая прихрамываетъ, терпѣніе ваше истощено.... скука овладѣла вами — и, вотъ зародышъ непремѣннаго отвѣта на желаніе Вани.

—А что, пріятель, — ты какой губерній? спрашиваете вы.

— Да, мы, сударь, здѣшніе-съ.... Лужскіе....

Ну ты, саврасенькая! чего задергала? Татарину отдамъ!

На этомъ кончается первая глава разсказовъ Вани, и, чтобы знать вторую и послѣдующія, нуженъ еще одинъ, самый простой, — ничтожный и незамысловатый вопросъ.

День почти также коротаетъ Петербургскій извощикъ, но для порядка и послѣдовательности — я какъ правоописатель, пойду за Ваней съ ранняго утра до поздняго вечера, подмѣчая каждый шагъ его и вычурное словцо.

Бьетъ четыре утра. — Войлокъ скатанъ и брошенъ подъ лавку. —Лошадь получила нѣсколько щедрыхъ пинковъ, клокъ сѣна и экономическую мѣрку овса.... а онъ, эмблема вѣчнаго движенія, въ утреннемъ дезабилье, при отсутствіи пестраго платка на шеѣ и синяго охобня на плечахъ, въ нагольномъ тулупѣ въ кругу друзей и земляковъ привѣтствуетъ разсвѣтъ въ

харчевнѣ. — Здѣсь....

«За чай — и локти по столу
Кричитъ: подайте-ка пчелу!
Читаетъ по складамъ Ерема, —
Сидитъ раскинувшись какъ дома,
И гладитъ по усамъ порой,
Любуясь въ зеркалѣ собой.
А кто по грамотнѣе найдется,
Глядишъ, и въ споръ еще плетется!
Тамъ, про какой-то про романъ—
Не давно съ нумеромъ Иванъ
Въ извозъ пріѣхавши изъ Риги....
Романы люди, а не книги....
Толкуетъ пожилой бочаръ:
Всѣхъ лучше книга — птица-жаръ....
Кто про Бову, кто про Полкана,
Кто про Илью, про Еруслана....
А кто и о златыхъ ключахъ....
Читаетъ, слезы на глазахъ....»

Такъ или почти такъ.—Не думайте, чтобы одинъ только кипятокъ занималъ Ваню въ харчевнѣ,—нѣтъ, онъ даже не прочь отъ печатнаго. Онъ любитъ газею, любитъ подслушать разныя новости, изъ которыхъ не пойметъ ничего, или пойметъ и объяснитъ земляку — недоумкѣ всё по своему.

— Слышь ты, Стигнѣечь, говоритъ онъ; вотъ эвто штука!...

— Ась! ну-ка, ну-ка — Назарычь — чкни!... откликнется нѣсколько голосовъ....

— Дѣло изволишь видѣть, вотъ какого рѣзону.... примѣрно сказать — во Франціи....

— Евто, тà, што.... ну, еще откуда Напліонъ-то въ двѣнадцатомъ году на Москву-матушку ходилъ?...

— Да-ну, знамъ Напліуна....

И здѣсь новость въ сторону, а Напліунъ на сцену. Старики пришелкивая сахарокъ вносятъ въ бѣсѣду свои воспоминанія о незабвенной годинѣ несчастія и славы Россіи, а молодые парни прислушиваются къ голосу старины.

Но, вотъ, Ваня запрегъ свою лошадку... помолился на ближнюю церковь—и перваго сѣдока, съ почину, посадилъ безъ торгу... Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ—онъ перепсетъ съ одного края столицы на другой, десятки людей. На его синей, вытертой подушкѣ перебываютъ одни задругими: порокъ—и добродѣтель, мотъ и скряга,—богатство и бѣдность, красота и безобразіе. Все это мелькнетъ въ его глазахъ, не оставивъ по себѣ ни какихъ воспоминаній, кромѣ понуканій и гривенниковъ.

Незанятый ѣздою—онъ наивно выплясываетъ импровизированнаго трепака, акомпанируя щелканьемъ

рукавицы о рукавицу, или разговариваетъ съ дворниками, или острить надъ пріятелемъ...

Извощикъ! и Ваня, сломя голову бѣжитъ черезъ дорогу, толкаетъ своего соперника, старается перекричать его, принѣвая неизбѣжное: вонъ на гнѣдкѣ, сударь, прокачу, лихо-бы! Ваше благородіе, гравчикъ! садитесь, что ли?

Бѣда вамъ и вашему возницѣ не внять его гласу... онъ засыплетъ насмѣшками — своего товарища. Не довезетъ! говоритъ онъ... эвося... одеръ какой!... три дня не кормлена... право сударь на гнедка-бы... уважилъ-бы!

Бьетъ три часа. — На Невскомъ давка,
Протянутъ длинный рядъ каретъ...
Полна кандитерская лавка,
Звѣриный полонъ кабинетъ.
Съ улыбкой важной ходятъ дамы,
Гордясь обновой выписной,
Гордяся роскошью постыдной
И красотою не завидной...
За ними, пестрою толпой,
На шею нанизавъ лорнетки,—
Порхаютъ матушкины дѣтки и проч.

А Ваня, въ это время общего движенія, когда люди даютъ лошадямъ покой, скромно тянется чрезъ шумный Невскій—на свою *фатеру*—куда нибуть въ ямскую—покормить гнѣдка и *поспѣдать* самому,—какъ онъ выражается.

Ваня знаетъ на перечетъ всю запоздалую сусту столицы... Ему извѣстно—время разъѣзда въ клубахъ, изъ театра, или цирка;—онъ знаетъ всѣ свадьбы, всѣ балы, всю блажь денежныхъ людей, всю ихъ прихоть, уппвающуюся усталостію къ полночи. И потому его не трудно встрѣтить у воротъ великолѣпно освященнаго дома, или у подъѣзда клуба, или какого нибудь собранія... Здѣсь *машкарать* говоритъ онъ—сѣдокъ будетъ, — и ждетъ — и выжидаетъ на вѣрную, чтобы заработать лишній четвертакъ на овесъ саврасенькой, а себѣ на чайникъ ханскаго.—Такъ кончился день.

И Ваня снова мурлыкаетъ заунывную пѣсню, и, чутко прислушиваясь къ шелесту прохожаго, плетется медлено до своего войлока.—

Но въ этомъ Ванѣ есть преобладающіе страсти, особенно чувство любостяжанія развито въ немъ, если саврасенькая принадлежитъ не ему собственно, а хозяину. Тутъ Ваня изощряетъ всѣ свои способности, всю свою мудрость,—изобрѣтаетъ тайникъ въ своихъ сапогахъ, тулупахъ и шапкахъ, что-бы припрятать долю барышей и на свой пай... Но опытъ также умудрилъ хозяина Вани, и Ваня пойманъ...

Ему остается одно средство припрятать лихву въ чужія руки, земляку—пряничнику или саячнику.... А совѣсть саячника, нерѣдко также крива,— какъ и калачь его.

Такимъ образомъ, вамъ часто случается подглядѣть сцену достойную карандаша, или кисти наблюдателя.

Вообразите себѣ площадь, вѣчно полную суетливой жизни горожанъ и промышленности. Тамъ; въ перспективѣ, тянутся длинною вереницею возы торговцевъ, которые скрыты отъ вашего взора цѣлою горою сѣна, едва подающагося въ передъ; глядите, какъ развиты здѣсь, въ каждомъ духъ промышленности и любовь къ земпымъ выгодамъ. Вопъ двѣ коровницы; одна сбираетъ крохи упавшаго сѣна метелкою, другая ближе къ цѣли—она дѣйствуетъ прямѣе и набираетъ въ фартукъ дороваго корму для своей тёлки... Отъ взоровъ Вани нескрыта эта картина... Жизнь въ немъ просыпается, уловка коровницы напоминаетъ ему и его грешки. Съ этими мыслями онъ бросилъ возжи и подошелъ къ земляку саечнику...

— На праздникъ думаю, товарищъ, въ деревню, говоритъ онъ... приноси мои денежки...

— Деньги? спрашиваетъ плутъ саечникъ, уставивъ полувопросительный, полумрачной взоръ на Ваню... ошалѣлъ—ты, что ли?

Пораженный Ваня—еще не пришелъ отъ этого въ положеніе озабоченнаго, онъ съ обычною флегмою, перебираетъ калачи на лоткѣ своего пріятеля...

— Какіе деньги? Вѣстимо, которыя я просилъ тебя схоронить до поры, отвѣчаетъ онъ.

— Рехнулся ты голова, — аль пѣтъ?

— Да ты, што, шутишь, аль и впрямъ отлытать хочешъ?

— Да отъ чего отлытать то?—хомякъ ты энтакій—прости Господи!

— Землякъ! аль ты креста на шеѣ не носишъ?

— Крестъ-то у меня есть, да есть ли у тебя во лбу разумъ?

Тутъ Ваня понимаетъ всю невыгоду своего простодушія, онъ резонится,—молитъ, чуть не плачетъ, но ему все таки отвѣчаютъ, что онъ рехнулся...

— Мазура! заключаетъ Ваня, подавись ты моимъ добромъ!

Въ этотъ день саврасенькому достается болѣе обыкновеннаго, и обескураженный Ваня къ вечеру въ большомъ куражѣ...

Если бы несуществовало проходныхъ дворовъ въ городѣ, и плутовъ саечниковъ, Ваня былъ бы очень счастливъ....

VIII.

ВАЖНАЯ ШТУКА.

Въ языкѣ простаго русскаго человѣка есть двѣ фразы короткія, но многозначительныя и, какъ нельзя болѣе рисующія его добрую, откровенную натуру. — Если судьба-злодѣйка доѣхала молодца, если невзгода сжала его словно въ тискахъ, а ретивое выболѣло отъ бѣды незванной — и всякая помога отказалась выручить парня: ничего — ты бѣда-бѣдущая! говоритъ онъ. Почесалъ за ухомъ, махнулъ рукой, тряхнулъ рукавицей, — ухмыльнулся и молвилъ: а! авось либо! На этомъ *авось* онъ зачастую строитъ свои надежды, которыя у всякаго другаго рухнулись бы при первомъ шагѣ впередъ, у него *авось* вывезетъ, и иногда, стрехнетъ съ плечь горе-горькое и не подкузмитъ ему бѣда-бѣдущая. Простой русскій человѣкъ за свое *авось* прячется сплошь какъ за каменную стѣну.

Тронь же его самолюбіе, разшевели его ретивое, похвастай ему хоть самъ Илья Муромецъ своими подвигами, хоть Москву въ рѣшетѣ покажи, или ученую блоху на цѣпочкѣ со шпорами, да дай только приглядѣться, смѣкнуть умомъ разумомъ, понять въ чемъ дѣло, раскусить премудрость заморскую или штуку — казусную: онъ опять таки полезетъ за ухо, не поморщится, ухмыльнется только — и наивно молвитъ: эка невидаль, диковинна — писанная!... Для ча не смѣкнуть? Раскусили братъ! недадимъ маху! Важная штука! Подъ послѣдней фразой онъ разумѣетъ: отвѣдали голова! необманешь!... Самъ сдѣлаю. Или просто за просто хочетъ сказать: небоюсь, ужъ дѣло *знамо!*

Все это мы говоримъ для того, чтобы лучше разсказать старую исторію, изъ которой можно вывести — слѣдующее замѣчаніе: русскій человѣкъ себѣ-наумѣ... неподставитъ носъ для щелчка, да ужъ и не поморщится если его скушаетъ; не скажетъ больно! онъ въ этомъ случаѣ отвѣтитъ только: на авось-думалъ, авось и подкузмило!... За то въ азартъ не пойдетъ, на стѣну не полезитъ. Пусть говоритъ заморскій людъ: Русскій простой человѣкъ — медвѣдь; а поглядишъ: у этаго медвѣдя спрятано прозапасъ ума-разуму, да смѣтки больше *ихняго*.

Вотъ хоть бы бочаръ-Михей Михеичь... Русскій человѣкъ во всѣхъ статьяхъ! Ни чего, что изъ деревни въ лаптяхъ пришелъ, съ топоромъ за ремесло взялся; да за то своимъ умомъ-разумомъ долото на-

жилъ, всякій инструментъ и мастерскую.... А ужъ жена у него.... краля писанная! такой марьяжъ, что и во снѣ не всякому приснится! нава откормленная! Взглянетъ—рублемъ подаритъ; слово скажетъ, словно въ ухо золотую сергу вдѣла. А ухмыльнется, такъ Михей Михеичь себя неслышитъ. Да чего Михей Михеичъ! ужъ диви бы его обошла зазноба.... пѣтъ... и пріятели-то безъ души—отъ души-Афросимовны!

Вотъ и повадился въ мастерскую Михея Михеича плутъ цѣловальникъ. Только Михей Михеичъ—шасть изъ дому, за покупкой, или долгами; а Кузмичъ въ мастерскую.... и пошелъ расточать слово нѣжное, да ласку пѣвучую. Войдетъ кроликомъ, а когти высунитъ словно котъ—мышеловъ. Перемолвитъ слово другое съ работниками, да и къ сожительницѣ Михѣича.

— Здравствуй, говоритъ, свѣтъ душа Парасковья Афросимовна!

— Здравствуй, Кузьмичъ! здравствуй кормилецъ! что повѣдаешь?

— Да ничего!... забѣжалъ, такъ маненько побалагурить.

— Ахъ-ты гуляка! только бы тебѣ балагурить! отвѣчаетъ Афросимовна, ворочая котлы со щами для артели.

— А нешто мы те́ противны, Афросимовна?

— Не то што противны, Кузмичъ... да не повадно! Ну, для ча тебя нелегкая несетъ, когда хозяина нѣтъ? Ась?

— Ты чаво раскудахталась, моя цыцарочка? Неровенъ часъ, работники на лету слово подхватятъ. Эхъ ты зазноба моя! вотъ такъ бы и пригубилъ твою алую щечку, словно горсть маку съѣлъ бы! Право-слово!

— Отвяжись ты озарникъ! И съ этимъ словомъ масленая чумичка красавицы—щелкнула полбу любезника.... не замай! отстань! ишъ-ты какія турусы правитъ!

— Ой! Ну чего дерешся? полно Афросимовна!...

— Не замай же! не то мокрой тряпицей всю рожу выпачкаю!...

— Вотъ те на! Да што ты энто сего дня, словно обойдена! Ась! не въ своей тарелкѣ Афросимовна?

— Да, не въ своей! А ты вотъ по добру здорову—уходи! Придетъ хозяинъ, такъ и мнѣ не ладно будетъ.

— Ну ... Ну! полно ртачиться лебедка! Вѣрно лѣвой съ койки сего дня встала! Вечеромъ забѣгу. Авось, малую толику поугомонишся!

Пришелъ Михеичъ, а подмастерье ему на ухо:

— Слышъ ты, говоритъ: Вотъ исторья-то!

— Ой! что тутъ стряслось?

— Да такъ.... маненько неладно въ домѣ?

— Ой ли?... А-ну-ко! что-бы энто за оказія? Повѣдай голова.

— Чего повѣдай! просто, братъ, бѣда бѣдущая на воротъ тебѣ повисла.

— Ну такъ немаячь, расказывай! полно балясы то точить.

— Вишъ ты какая оказія!

— Ну, ну! Валяй, прислушаю?

— Просто братъ,—голова, дѣло плёвое! знаешъ Кузмича?...

— Эвося? Ащо-бы!...

— Ну такъ онъ,—братъ! къ Афросимовнѣ что день деньской жалуетъ; только ты за вороты, а онъ къ намъ, да къ твоей сожительницѣ... всякія прелести ей такъ и сыплетъ!

— Ой ли?

— Скажи мнѣ въ глаза, недоброе слово, коли я туманъ въ твои пускаю. Знаешъ... придетъ такимъ щеголемъ: рубаха пестрая, волосъ съ затылку подбритъ, спереду виномъ — кольцемъ зачесанъ, сапоги со скрипомъ, рупу запоясъ; ключемъ поигрываетъ, да вотъ словно шарманка лучинушку напѣваетъ. Такіе лести говоритъ, словно медомъ по губамъ мажетъ. Эй, Михепчь! Кузмичъ-то—вѣдь прощалыга питерскій! смотри, чтобъ бѣды не вышло.

— Не боюсь братъ! Дѣло бывалое! кого другаго, а насъ — не проведешъ! говоритъ Михепчь; а самъ все на усъ закрутилъ, да и думаетъ: ну... посмотримъ, да только виду неподадимъ, што энтакая напасть насъ зубамъ за сердце хватила! Не осрамимъ ни себя, ни хозяйки! не дадимъ работникамъ на зубокъ поднять нашего брата!

— Чего, добавляетъ подмастерье; энтакій озарникъ! Ащо вечеромъ обѣщалъ забѣжать сюда.

— Ой ли?... Ну ниъ, братъ! ладно-же! смотри... ты, ни гугу—молчекъ!—

Вотъ пришелъ и вечеръ. Въ мастерской Михепча работа кипяткомъ кипитъ: кто во что горазъ... тотъ ремешкомъ подъхватилъ волосы,— топоромъ днище ровняетъ: другой, мурлыча сквозь зубы заунывную пѣсню, взобрался на кадку, да скрестивъ надъ ней жилистые руки, ухватилъ сверло такъ, что вотъ того и гляди дубъ хрустнетъ подъ желѣзомъ. Вошелъ и Михепчь! Глядь! а у очага Афросимовна хлопочетъ около горшковъ; а около псе,—важно и щегольски закинувъ ногу на ногу, да перебросивъ руку на плечо красавицы... напѣваетъ ей Кузьмичь разныя ласки.

Ухмыльнулся Михепчъ, поправилъ на головѣ мя-

тую ермолку и присѣлъ у кадки, занявъ средину сцены. Въ одной рукѣ у него молотокъ; другая, засученная чуть не по локоть, легла съ долотомъ на душку кадки; а глаза вились въ пріятеля.

— Смекаешь! молвилъ въ полголоса подмастерье, лукаво улыбаясь и подмигивая глазомъ, и также остановивъ любопытный взглядъ на Кузьмичѣ и Афросимовичѣ.

Долго и неподвижно глядѣлъ Михеичъ на любопытную сцену, неизмѣняя своей простодушной и улыбающейся физіогноміи.... И наконецъ громко сказалъ:

— Важная штука!

Кузьмичъ, услышавъ голосъ хозяина,— отскочилъ отъ очага.

— А! Кузьмичь! Все ли по добру по здорову? Спросилъ ласково Михеичъ.

— А! Михей Михеичь!... Слава Богу-съ! живется, не какъ хочется, а какъ можется.

— Ну!... и слава Богу! А что голова! не выпьемъ ли?..

— Для ча не выпить?

— Ну-и важная штука! подь-ко-сюда? Михеичь отвелъ гостя въ уголъ, осторожно тряхнулъ его за воротъ, и улыбаясь сказалъ:

— Слышь-ты, Кузьмичь! Если я тебя ащо когда поймаю подлѣ очага, а паче того подлѣ хозяйки, бѣды-тебѣ не миновать!... испорчу! Ну-слышь! теперь неси зеленаго! такъ-то, добавилъ онъ громко,— выпьемъ дружище! Попече ты меня попотчуй, а тамъ, при случаѣ, и я тебя, голова... отпотчую. Важная штука!

— Важная штука! Подхватилъ подмастерье, смѣкнувшій дѣломъ.

Шедровицкий

IX.

ЕЩЕ СОВѢСТЬ НЕ ЗАЗРИЛА.

Въ жизни человѣка есть много минутъ полныхъ или отрадной мечты, или тревожныхъ воспоминаній, — или чисто созерцательныхъ.... Натура цивилизированная умѣетъ отстранить отъ души своей какъ и созерцанія порою докучныя, такъ и воспоминанія, если онѣ не утѣшительны; натура чисто простая, принимаетъ ихъ прямо къ сердцу и чувствуетъ въ эти мгновенія полною душою, чувствомъ неподдѣльнымъ, въ которомъ нѣтъ нисколько ложнаго.

Посмотрите на русскаго мужичка, когда онъ подстережетъ первый шопотъ своего сердца: тогда, о, тогда — онъ дѣлается идеаломъ истины; онъ самъ создаетъ ее для себя! Подслушайте его первый говоръ — и въ его сердечной фразировкѣ выскажется вамъ человѣкъ, какъ онъ есть.

Гдѣ нибудь у изгорода, или у плетня, или у колодца встрѣтившись съ любимою имъ, онъ измѣняется въ одно мгновеніе... Всегда свободный, всегда не застѣнчивый онъ теряется въ одно мгновеніе:

— Аксюша.... а! Аксюша? говоритъ парень, — стараясь ухватиться за затылокъ.

— А? Што-те надать, Петровичь?

— Ничего, такъ — послушай....

— Ну, промолви....

— Да што промолвить? ужъ я те ономнясь, и въ вечерницѣ — и въ хороводѣ намекалъ; а ты! и Петровичь укоризненно покачалъ головою и махнулъ отрицательно шапкой....

— Да — ты кажись, опять съизнова все про сватьбу, да про свадьбу.

— Съизнова—Аксинья Степановна! охъ.... ужъ.... вотъ, хоть побожится—не выдержу....растрепала ты мнѣ сердечко.... почь не въ почь; день не въ день, просто хожу словно угорѣлый; даже *нжный* разъ и батько спрашиваетъ; что эвто, дескать, съ тобою приключилось?... аль въ самомъ дѣлѣ, я те не милъ; ты такъ и скажи, не бери грѣха на душу, да не тяни меня въ опостылые. Право больно Степанова.... вотъ хоть въ воду наровить; такъ въ пору....

— Ой ли? —

— Чего — ой-ли — тебя все смѣхъ беретъ, а у меня все ретивое вымираетъ.... Степановна? а Степановна... любъ я тебѣ, али нѣтъ?

— Чего, энто.... и не моги!

— Да ты про што гадаешь?... скажи только: любъ, али нѣтъ?

И парень еще на два шага подошелъ къ своей зазнобѣ.

— Ой! ужъ ты мнѣ и ни въ моготу, да и не поразуму....

— Да вѣдь Степановна — только того, молви словечко.

— Ну.... а што те? отвѣчаетъ красавица, стараясь сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, въ то время, какъ - парень — наступаетъ впередъ. —

— Послушай....

— Ну?

— Можно эдакъ, къ маткѣ твоей съ поклономъ.

— Ой, нѣтъ,... не моги. Да отойди отъ меня. Поглядитъ кто ни наесть, да опосля повсей деревни обнесетъ, — просто тогда меня со свѣта сживутъ.

Не дала отвѣта Степановна, а молодца полюбила душой.... сохнетъ по немъ, и какъ узнала, что онъ въ Питеръ на заработки собрался, хоть не упала въ обморокъ, да душой выстрадала—какъ умѣетъ страдать женщина, незнакомая ни со спиртомъ ни съ бѣлилами.

Есть Петровичь — и въ Питерѣ.... Харчевни, да чай, да работа развлекли, да размыкали тоску его горькую; сначала забылъ про разлуку, а послѣ и объ Степановнѣ.

Съ волками жить по волчьи выть, говоритъ пословица. Какъ измѣняются друзья, такъ измѣнился и Петровичь....

Дворъ большой, жильцовъ много.... На молодецкое сердце налегла новая зазноба. Про Степановну ужъ и забылъ Петровичь!....

Да и самъ онъ теперь не тотъ; — отростилъ усъ, завилъ високъ кольцомъ; шапку на одномъ ухѣ носитъ; хоть кому приглянится.... Сталъ онъ барскимъ кучеромъ; въ кампаніяхъ бываетъ — заговоритъ такъ ужъ не возмется за затылокъ, а все наровитъ или усъ покрутить, или ногу впередъ выставить или мѣднымъ ключемъ поиграть, что на поясѣ вмѣстѣ съ гребнемъ у него виситъ.

Поглядишь на Петровича, что день то обнова: то рубаха пестрая, то липняя пуговка на воротѣ, а ужъ самъ въ такой холѣ живетъ,— что только любо посмотрѣть; каждый день вымоется, голову примаслитъ. Въ лавочкѣ не нуждается; ему теперь ситный и студень не почемъ.... иной разъ онъ пьетъ и кофе, а въ первомъ часу у него и фриштыкъ съ барской кухни является; »тамъ пряженецъ или, какая ни наесть, похлебка вечорошняя,» какъ онъ самъ выражается. —

кинулъ ногу на ногу, сдрапировавъ полу своей сибирки.

Марѳа боязливо оглянулась на мать, развѣшивавшую въ эту минуту барское бѣлье и, получавшую его отъ товарки, погрузившей обѣ руки въ глубину корзины.

Примѣтивъ, что мать незамѣчаетъ ее, Марѳа окинула Петровича двусмысленымъ взглядомъ, неперемѣняя прежняго положенія.

Увидя ее Петровичь снова улыбнулся, видимо смѣшался, и, незная съ чего начать разговоръ, потому что совѣсть вѣрно не совсѣмъ съ нимъ разладила, спросилъ переминаясь:

Что промолвишь—Марѳа Васильевна, давно тѣбя невидать, гдѣ эвто вы изволите праздничать?

— Гдѣ?... да все тамъ-же, гдѣ и прежде; а вотъ тебя, такъ недозовешся и недокличешся.... идешъ мимо кухни, а хоть бы поклономъ почествовалъ....

— Вотъ что! можетъ примѣрно сказать: тебѣ думается, что Петровичь ужъ и отлытать отъ тебя хочетъ?

— Нечего тутъ думать; дѣло видимое! не люди говорятъ, не во снѣ пригрѣзилось—сама все подмѣтила.

— А-ну-ка; что ты эвтимъ-то смѣкаешъ?

— Знаемъ, Петровичь; все знаемъ! не бери грѣха на душу.... не гони и остальную-то совѣсть за двери.

— Эвося!... какую-ты эвто гисторію въ плетку свила?

— Что сплетать-то?... Дѣло писаное; вѣрно чухонка-то, тебя какимъ ни наесть зельемъ напоила?

— Что-о? Какая чухонка?

— Эво! еще отлытать хочетъ! ну, а кухарка нѣмца? Марѳа погрозила укорительно пальцемъ.— Н... не запкайся отпираться.... продолжала она, не обманешъ; все знаю.... Смотри, что бы опосля руки на себя не поднять!... я по тебѣ такъ захиревши, хоть въ воду съ камнемъ готова.... жизнь опостыла!... Для тебя я хоть на самый край свѣта готова..., а она?... знаемъ мы ихъ натуру—по ниткѣ карманъ растащитъ; послѣднюю сибирку съ плечъ стянетъ.... а послѣ и кайся!

— Да что ты Марѳуша.... аль въ самомъ дѣлѣ думаешъ, что я ....

— Знаемъ.... безъ нее тебѣ и день не въ моготу продневать.

— Анъ нѣтъ! рѣшительно сказалъ Петровичь.... Не будетъ этаго!... еще не скрутила молодца какая ни наесть чухонка....

Зато поглядишь—вечеркомъ у конюшни или у прачешной, Петровичь—такъ голубкомъ и воркуетъ съ сосѣдкой: что Марфуша, говоритъ онъ, господа-то чай не дома?

— Въ кіятеръ поѣхали.

— Да въ большой что-ли?

— Чего—большой?

— Вѣстимо чего: я те спрашиваю, въ большой кіятеръ, али въ Михайловскій?

— А кто ихъ вѣдаетъ? горничная болтала про какихъ то тальянцевъ.

— Ну.... знаю... эвто на большомъ; съ выраженіемъ знатока отвѣчаетъ Петровичь.... Да, ужъ какъ нараскажутъ—есть на что и посмотрѣть, говорятъ, тамъ есть энтакая краля—что твоя синица поетъ.... или другая,— словно перепелка съ вѣтки на вѣтку прыгаетъ.... Вотъ ужъ говорятъ выплясываетъ такъ, что всѣ глаза проглядишь....

Такъ Петровичь—коротаетъ свои вечера, а между тѣмъ незабываетъ ни харчевни, ни пріятелей.... избаловался въ Питерѣ парень—и совѣсти ужъ не такъ боится, какъ въ то золотое время когда онъ на барщину ходилъ, да невѣдалъ, какъ пьютъ чаи.

Взгрустнулось и Марѳѣ, какъ взгрустнулось, когда-то Степановнѣ, которая, впрочемъ, не долго грустила о немъ.

Дѣвичьи слезы роса; взойдетъ солнце—росу высушитъ, говоритъ пословица—такъ оно и збылось, Степановна погрустила-погрустила о Петровичѣ и вышла замужъ

Тогда то, онъ и самъ съ непродолжительнаго горя, полюбилъ Марѳу, привлеченную къ нему и румянцемъ его, и слово-охотливостію, и молодецкою удалью и расторопностію.

Не одинъ разъ подмѣчала она, какъ ея зазноба ласковымъ словомъ, да привѣтной улыбкой встрѣчаетъ бѣловолосую чухонку — кухарку часоваго мастера. Однажды она примѣтила его въ дружелюбной бесѣдѣ съ нею у конюшни.

— Дай, думаетъ Марѳа,—за одно ужъ отпою; все покопычу; ужъ коли для него брань на вороту не виснетъ, да и совѣсть онъ на чаю пропилъ, такъ мнѣ, горемычной, толь-ко слезу утереть; да послѣднее слово съ нимъ перемолвить....

И Марѳа подошла къ конюшнѣ, у которой сидѣлъ Петровичь: поставила корзину съ бѣльемъ на изгородь и положивъ на нее лѣвую руку, правою поправила шугай.—

Петровичь улыбнулся, изогнулъ на бекрень шляпу, покрутилъ усъ, и, съ особенною развязностію, за-

— Анъ будетъ!... Все вижу.— Богъ съ тобой! меня-свояка, на заморщину вымѣнялъ.... забудь меня горемычную.... ужъ выплачу горе, да заѣмъ тоской мою бѣду — вотъ и все тутъ; а тебѣ и взгляду не покажу.

— Да и тоски-то большой не будетъ, такъ говорю съ досады; видали мы такихъ какъ ты! вдоволь—Что мнѣ ты? встрѣтились и разошлись! экая бѣда....

Ревность и самолюбіе заиграли въ сердцѣ Петровича.... Это самые лутчіе двигатели остывшаго чувства...

— Говорю тебѣ Марѳа, не будетъ этаго! еще рѣшительнѣе повторилъ онъ.... Вотъ-на.... давай руку!

Марѳа протянула руку....

Петровичь ударилъ по ней съ обычнымъ жаромъ, ухмыльнулся и весело примолвилъ:

Знай нашихъ!... завтра же выпрошу у барина позволенія обзавестись домкомъ, да хозяйкой. Идемъ къ матери.... ащо наша совѣсть незазрила!... На мнѣ вѣдь и крестъ есть!

И съ этими словами будущіе сожитель съ сожительницею, довольные другъ другомъ, отправились къ старухѣ, развѣшивавшей бѣлье въ глубинѣ двора....

Щедровский

X.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДВОРНИКЪ.

I.

Если вы никогда не наблюдали ранняго, Петербургскаго утра и хотите знать всѣ его особенности, — то обратитесь къ дворнику.... Онъ подглядѣлъ всѣ элементы столичной зари. Въ то время, какъ суетливый городъ погруженъ еще въ обычный сонъ, и упивается грезами и его макомъ, — дворникъ, вооруженный метлою и лопатою, — уже встрѣчаетъ радушнымъ зѣвкомъ восходъ солнца или струйки сѣренькаго свѣта—мелькнувшаго на востокѣ. Онъ первый встрѣчаетъ заѣзжаго чухонца, сливочника; первый промолвитъ слово охтенки, которая вьется всѣмъ тѣломъ подъ тяжестію своего коромысла, и первый раздѣлитъ дружескую щепоть зеленчаку съ блюстителемъ тишины; первый отвѣтитъ обязательнымъ зѣвкомъ, на непремѣнный зѣвокъ мелочнаго лавочника, который, не безъ сожалѣнія, выползъ изъ подъ своего тулупа, чтобы распахнуть свою лавку для обычныхъ гостей — кухарокъ и лакеевъ....

Городъ начинаетъ оживать, — домъ проснулся — и метла дворника уже поставлена между одною половинкою раскрытыхъ воротъ и стѣною. — Улыбаясь горничной, мелькнувшей подъ его носомъ съ сухарнымъ судкомъ и маленькою замасленною тетрадкой, дворникъ разсыпается теперь въ любезностяхъ съ кухарками, справляющимися о водовозѣ, имѣющимъ привычку являться не въ срокъ, или опаздывать, и здѣсь же, напоминаетъ хозяйскому лакею о небольшомъ долгѣ....

Теперь уже настаетъ колея его сусты и, вотъ, онъ, навьюченный полсотнею полѣньевъ, тянется съ этою ношею въ третій, иногда въ четвертый и даже въ пятый этажъ..... Тамъ выслушавъ два, или три упрека отъ кухарки Агафьи, за шумный и трескучій эффектъ, произведенный неосторожно сброшенною ношею онъ иногда принимаетъ снисходительную подачку почтеннаго жильца—въ видѣ рюмки теплотворнаго нѣнника...

О сколько бы мы могли вынести, поглядѣть и разсказать любопытному свѣту—семейныхъ тайнъ: щекотливыхъ, грустныхъ, часто то комическихъ, то сильно драматическихъ, — еслибы судьба, хотя бы на одинъ часъ, поставила насъ на мѣсто дворника въ любую кухню пяти-этажнаго дома!... А онъ, равнодушный зритель, безъ всякаго вниманія пропускаетъ

— все, подвертывающееся его взгляду; — онъ не вникаетъ въ нахмуренное чело жильца — и озадаченный единственно лишь запахомъ жаренаго кофе и обданный паромъ утренняго самовара, — бросаетъ нѣжный взглядъ на солидный кусокъ телятины мысленно заглядывая при этомъ въ харчевню....

Еще метла его недобѣжала до послѣдней ступеньки лѣстницы, какъ знакомый окликъ форейтора заставляетъ сладко забиться его сердце мечтою о квадратномъ кусочкѣ рафинаду и думою о солидномъ чайникѣ, полномъ, по самые края кипяткомъ....

Лобъ дворника накопецъ дѣлается мокръ, шапка тоже: это значитъ, что уже обычный визитъ расписной ресторацiи отданъ и онъ снова возвратился въ свое мусорное владѣнiе. До сихъ поръ — всё идетъ обычною чредою.... Но наступаетъ полдень — и декорацiя его жизни покрывается новыми тѣнями и спокойный духъ его возмущенъ появленiемъ у помойной ямы дерзкаго тряпичника, съ которыми дворники и собаки въ вѣчной враждѣ....

Но вотъ — и вы!... Звонокъ, другой.... Да, гдѣ же дворникъ?

— Здѣсь — я дворникъ; для ча вамъ? откликнется онъ, рѣдко удостоивъ васъ поднятiемъ картуза или ласковымъ взглядомъ.

— Что, любезный, здѣсь, кажется, отдается квартира? спрашиваете вы.

— Есть.... отдается, да велика больно для васъ будетъ.

— Ничего, братецъ.... покажи.

— Показать, для чего не показать; да вѣдь восемъ комнатъ....

— Эхъ, какой же ты чудакъ!... Ну что за бѣда, что восемъ?

— Вѣстимо не бѣда.... Пожалуйте.... только что *маленичко* высоко будетъ.

И раздосадованные его словоохотливостiю — вы оступаетесь на каждомъ шагу, взбираясь вверхъ по темнымъ лѣстницамъ; минутъ пять, или десять потомъ остановленные у дверей квартиры, вы выслушиваете маленькую тираду на неисправность хозяина и поломанные ключи — и за тѣмъ слышите, неизбѣжное: «Фатера сударь важная! Пока вы обѣжите всѣ комнаты, дворникъ неупуститъ случая разсказать вамъ пресловутую исторiю о постояльцахъ, занимавшихъ эти апартементы и о томъ, что у нихъ была предрянная и *неучливая собака*....

Вечера всегда и непремѣнно дворникъ, коротаетъ въ мѣлочной лавкѣ, или въ конюшнѣ азартно козыряя *жлудями*, или сидя рука объ руку, на веселѣ, съ

землякомъ въ своей комнаткѣ, которая только тѣмъ и отличается отъ собачьей конуры, что владѣлецъ ея влезаетъ туда — не въ окно, а въ приземистыя двѣри, всегда украшенныя — именемъ его почтеннаго званія....

Смерклось.... ночь; надворные огни блѣднѣютъ, меркнутъ и изчезаютъ. Съ послѣднимъ вздохомъ свѣчки и первою дремотою кухарки, могучая рука дворника уже гремитъ тяжелымъ запоромъ воротъ.... Еще минута и онъ, или упрятавъ свою голову въ воротникъ пагольнаго тулупа, дразнитъ носомъ злой морозъ, или дремлетъ подъ обаятельный скрипъ саней и перебранку извощиковъ,—или, прикрытый тѣмъ же тулупомъ, тревожно засыпаетъ на рогожѣ, готовый по первому дребезжанію колокольчика бѣжать къ калиткѣ....

Вотъ слабый и быть можетъ не совсѣмъ вѣрный портретъ Петербургскаго дворника... разскажемъ теперь коротенькій эпизодъ изъ его жизни.

II.

Мы забыли сказать, что дворники, по нашему мнѣнію, подраздѣляются на два рода: на дворниковъ нижняго и верхняго полета. Къ первымъ принадлежатъ типы уже нами обрисованные; ко вторымъ, неизмѣнно тѣ, которымъ судьба еще при рожденіи принесла на зубокъ смѣтливость, а первый возрастъ подарилъ нѣсколько лишнихъ тумаковъ при изученіи азбуки.... Къ таковымъ дворникамъ принадлежатъ тѣ, которые бываютъ такъ горды своимъ умѣньемъ считать до сотни — и не то чтобы по пальцамъ; тѣ, къ которымъ такъ довѣрчивъ домохозяинъ, что предоставилъ ихъ произволу домовую книгу, втиснутую въ переплетъ, маслянный какъ праздничная аладья; тѣ, которые владѣютъ своимъ собственнымъ, благопріобрѣтеннымъ самоваромъ и семиструнною гитарою, изгнавъ махорку и, потѣшая вкусъ свой нѣжинскими корешками.... Таковъ то и былъ нашъ Харитонъ Козырьковъ, — подстриженный, подбритый, даже съ претензіями на височки, и неизмѣнно являвшійся въ воротахъ или за ними въ чистомъ фартукѣ, въ сапогахъ, смазанныхъ не дегтемъ по ворванью; въ маленькой круглой шапкѣ, надъ которой бы могъ призадуматься самый опытный костюмеръ, незная къ какой породѣ ермолокъ причислить ее....

Однажды, въ морозный Ноябрскій полдень, разбранивши дерзновеннаго Ваньку, расположившагося было покормить свою саврасенькую у панели принадлежавшей вѣдѣнію Харитона, и погрозивъ ему выразительно метлой, Харитонъ спустился въ свой подвальный чуланъ.

— Эге.... да ты здѣсь! вскричалъ онъ, встрѣтивъ у себя неожиданно кухарку третьяго этажа. Прытка больно.... между глазъ проскочила.... Право слово: я тебя и недоглядѣлъ.... Ну, чего жъ ты стоишь? продолжалъ Харитонъ.... Коли пришла незванная, такъ не посадить же тебя на лопату, да и вонъ изъ хаты....

— Охъ, ужъ ты краснобай, балагуръ—сказочный! отвѣчала кухарка.... все не съ проста!... что слово, то съ конфузомъ.

— Полно — Аксюха — туманъ-то разводить.... Поди-ка Филька—енаральскій фарейтуръ, иной разъ, краснѣй нашего словцо подкинетъ.

— Ну.... Дался ему Филька.... Ш,— братъ, не коли имъ глазу: я и смотрѣть то нехочу на этакое мурло.... вотъ что!

— Ой ли? Врешь Аксюха.... Пословица молвитъ: бабьяго сердца не спознаешь..... Почитай и ты, примѣрно сказать, языкомъ Фильку корнишь, а ретивымъ по немъ болишъ? Знаемъ-ста вашего брата....

— Знаемъ! Ишь-ты знахарь-какой.... На-ка, лучше — отвѣдай моей стряпни....

Съ этими словами, Аксинья, выпула изъ подъ фартука порядочный кусокъ жаркаго и положила его на столъ предъ улыбающимся Харитономъ.

Въ эту минуту надъ ухомъ Харитона громко звякнулъ колокольчикъ.

— Кого это тамъ нелегкая принесла? сказалъ Харитонъ, и, бросивъ нѣжный взглядъ сперва на кусокъ мяса, а потомъ уже на Аксинью, онъ вышелъ за двери.

Густой паръ, вырвавшійся изъ дворницкой, теплымъ облакомъ покрылъ высокаго и виднаго молодаго человѣка, закутаннаго въ енотовую шубу.

— Здѣсь отдается квартира? спросилъ молодой человѣкъ.

— Отдается..... да больно мала: одна компата только....

— Мнѣ братъ, такую и надо!

— Да вѣдь высоко сударь: въ пятомъ этажѣ....

— Въ пятомъ?... Гм!... Ничего.... покажи.

— Показать — для чего не показать: обождите *маненичко*; вотъ заключемъ сбѣгаю.

Енотовая шуба покрякивая и, оттирая замерзшія щеки—недолго дожидалась Харитона. Дворникъ явился и, потряхивая связкою ключей, почти бѣгомъ пустился въ пятый этажъ. За нимъ слѣдовала шуба.

— Ухъ! конецъ, что ли? спрашивалъ молодой человѣкъ, видимо недовольный длинными ногами дворника, подъ которыми ступеньки мелькали по двѣ и по три, разомъ.

— Пришли, отвѣчалъ Харитонъ, вздохнувъ полною грудью.... И, вслѣдъ за его пикомъ, изъ растворенныхъ дверей, въ лицо незнакомца пахнуло холодомъ и сыростію. Не обращая, однакоже, на это вниманія—молодой человѣкъ храбро переступилъ порогъ комнаты, вымѣрилъ ее тремя шагами, заглянулъ въ окно, изъ котораго замѣтилъ руссую головку своей будущей сосѣдки, значительно улыбнулся, шагнулъ еще и обратился къ дворнику съ обычнымъ вопросъ:

— Дорога-ли?

— Шесть рублевъ.

— Серебромъ?

Харитонъ значительно улыбнулся и наивно отвѣчалъ: Да ктожъ, сударь, *ноччи* считаетъ на ассигнаціи? *Ноччи* ужъ, знамо дѣло, щетъ на серебро.

— Такъ, такъ пріятель. Ну а дешевле?

— Дешевле? не могимъ-съ.... Фатера теплая, да и съ поконъ вѣку въ одной цѣнѣ ходитъ.

— Ладно; хорошо! Шесть такъ шесть. Вотъ тебѣ братецъ задатокъ... Завтра я переѣду.

III.

Было утро, морозъ трещалъ на дворѣ, расписавъ замысловатыми узорами стекла въ единственномъ окнѣ новой квартиры молодаго человѣка. Сухой снегъ дребезжалъ, въ эти росписныя стекла, и вѣтеръ, завывая въ трубѣ не топленной печки, изрѣдка подщелкивалъ вьюшками. При первомъ шагѣ за порогъ этой комнаты можно было подумать, что она всё еще такъ же необитаема какъ и на канунѣ; въ ней царствовали тотъ же холодъ и та же сырость....

Владѣлецъ этой комнаты и этихъ мрачныхъ стѣнъ, изукрашенныхъ серебряными змѣйками—выступившаго на нихъ снѣгу, насвистывая какую-то элегическую аріету и, закутанный въ неизмѣнную шубу, въ раздумьи ходилъ отъ окна къ порогу и отъ порога къ окну.

Бѣда какая! думалъ молодой человѣкъ... перебраться съ полтинникомъ на эту вышку, чуть не въ пятый этажъ.... Ужасно! никогда я не былъ въ такомъ плохомъ положеніи.... просто ужасъ!... И если не поспѣшитъ меня выручить мой почтенный опекунъ, такъ я не буду знать что̀ дѣлать. Бѣда да и только! продолжалъ онъ и погода-то стоитъ какая несносная! Ну, на что это похоже? Еще только ноябрь, а морозъ въ двадцать градусовъ.... Фу ты пропасть! не чемъ даже печки истопить....

И онъ подошелъ къ окну.

Попытать развѣ у дворника? прошепталъ новый жилецъ.— Съ этою мыслею онъ открылъ форточку и крикнулъ изовсѣхъ силъ: Харитонъ! Харитонъ!

Чрезъ пять минутъ услужливый Харитонъ явился на зовъ новаго постояльца,—

— А! Харитонъ!... здорово братецъ!...

— Здравствуйте Михаилъ Петровичь, что сказать изволите.... кажись кликали?

— Звалъ, братецъ, звалъ! Вотъ, видишъ ли Харитопушка, дѣло до тебя есть, не большое... этакое... сказать откровенно.... Вѣдь съ тобой можно быть откровеннымъ?... не разболтаешь?

И! что вы, сударь? не извольте имѣть *сумленія;* я вѣдь ни какой нибуть облыжный....

— Знаю, знаю! Ужъ нельстя тебѣ скажу: что я въ чёловѣкѣ никогда не ошибусь.... Вотъ только взглянулъ на тебя, тотчасъ подумалъ: какой онъ долженъ быть лихой дворникъ.... право!

— Благодаримъ покорно-съ

— Не за что Харитонъ.... какъ бишъ тебя по батюшкѣ то?

— Анисимовъ-съ.

— Не за что Харитонъ Анисимовичь... доброму человѣку-вездѣ добро. Ну такъ вотъ видишь ли; дѣла мои, какъ бы тебѣ сказать?... Больно плохи!... понимаешъ....

— Какъ не понять,

— То-то! Знаешь. Вотъ я жду теперь отъ опекуна денегъ.... жду съ часу на часъ: не сегодня такъ завтра почталіонъ явится съ повѣсткой.... Право! Ну, а покамѣсть на зубы то положить нечего.... да и морозъ-то!... Чувствуешъ, какой у меня морозъ?

— Да у васъ больно сиверко!

— Жестоко, братецъ! Просто ужасъ! Такъ вотъ я и хочу тебя просить.... Только это между.... нами.... Нельзя ли, душа моя, поленцовъ пятокъ — этакъ? А? Сдѣлай, братъ, дружбу....

— Да, гдѣ жъ я ихъ возьму? Вѣдь у меня молвить правду матку, дровъ-то нѣтъ.

— Перестань, душа Харитонъ Анисимовичь! купи на свои деньги; получу—отдамъ съ лихвой.

— Эхъ, сударь — жаль мнѣ васъ, что дѣлать — извольте. Займу дровъ у генеральскихъ людей.

— А, что это за генералъ живетъ у васъ?

— Отставной какой-то.... и служба у него всё, правду сказать, славный народъ!... Вотъ, хоть бы кухарка.... ужъ какая баба, что почитай всякой крали марьяжнѣе будетъ.

— Гм!... вотъ что!

— Да-съ, добрѣющая баба! думаю на ней жениться.... Да вотъ бѣда: мясоѣдъ проходитъ, а еще не смогу денегъ сколотить. А, баба, сударь, славная, была бы такая хозяйка, что ни разу на нее погрозить не надо... право слово, сударь! Такъ обождите маненечко, вечеркомъ. И Харитонъ вышелъ, а молодой человѣкъ, подщелкнувъ пальцемъ — подумалъ: Славно! дрова есть, авось и табаку добудемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Харитонъ, доставлялъ голодающему жильцу дрова и, даже, при помощи своего радушнаго старанія далъ ему средство кредитоваться въ мелочной и табачной лавкахъ.

А между тѣмъ сомнѣніе уже начинало заползать въ сердце Харитона.

— Не надуваетъ ли онъ меня? думалъ онъ.... Сулитъ-то золотыя горы, да что то опекунъ-то его ужъ больно долго маячитъ деньгами?

Точно, съ такими черными мыслями, безпрестанно смѣнявшимися думою о свадьбѣ, Харитонъ взялъ однажды метлу и вышелъ за ворота съ непремѣнною цѣлью разсѣяться и потаскать за вихры трехъ мальчишекъ, дерзнувшихъ въ его воротахъ играть въ бабки и слѣдовательно шумѣть на весь дворъ.

И вдругъ сердце его вздрогнуло, и забило страшную тревогу при видѣ бронзоваго орла, мелькнувшаго на киверѣ почталіона....

О, читатель! Согласитесь, что почтальонская сумка и безстрастный видъ ея владѣльца, когда нибудь производили на васъ впечатлѣніе.... непремѣнно производили! Въ этой сумкѣ заключены бываютъ: слезы, радость и напѣвы любви, искренность и обманъ, вѣсть о новорожденномъ и приглашеніе на похороны...

Ужъ не къ моему ли постояльцу? подумалъ Харитонъ. Кого надо? спросилъ онъ, перекинувъ метлу въ лѣвую руку.

— Повѣстка Михаилу Петровичу Сукову, отвѣчалъ Петербургскій Меркурій, пристально вглядываясь въ адресъ.

Харитонъ вздрогнулъ, но—неизмѣняя своему прежнему хладнокровію, поднялъ правую руку и указывая ею вверхъ сказалъ:

— Здѣсь! въ пятый этажъ № 54.... Пойдемъ провожу....

Съ этими словами, дворникъ, бѣгомъ пустился по крутой лѣстницѣ и съ шумомъ распахнулъ двери страдальца, почти, втолкнулъ къ нему вѣстника радости.

При видѣ почтальона Михаилъ Петровичъ какъ безумный прыгнулъ съ своего матраца....

Въ одно мгновеніе онъ вырвалъ изъ рукъ почтальона повѣстку и, задыхаясь, только могъ прошептать:

— Двѣ.... тысячи серебромъ!

— Двѣ тысячи!... Знатно! Лихо! повторилъ Харитонъ.

— Харитонъ! вскричалъ молодой человѣкъ, дай ему братецъ, гривну! рубль! пять! Завтра получишь сто! Слышь сто! И съ Богомъ готовься съ своей бабой подъ вѣнецъ. Да незабудь въ бельэтажѣ отопить пустую квартиру.... я туда переберусь....

Харитонъ, не помня себя отъ радости, тутъ же опустилъ руку за голенище своего сапога, вытащилъ кожанный трехъ-цвѣтный мѣшокъ и, отсчитавъ почтальону сказанную сумму, бросился со всѣхъ ногъ порадовать свою невѣсту.

XI.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Лоскутокъ изъ Дневника.)

«Сосѣдъ мой строитъ домъ; другой бы на моемъ мѣстѣ считалъ это едвали не наказаньемъ, а мнѣ ничего! я даже очень счастливъ, когда звукъ топоровъ и складная пѣсня работника разбудятъ меня съ восходомъ солнца... я просыпаюсь отворяю окно, закуриваю трубку и любуюсь картиной-труда, прислушиваясь къ говору мужичковъ, къ ихъ веселой остротѣ, когда они, отдыхая за незатѣйливымъ завтракомъ, перекидываются бойкимъ словцомъ. Вотъ они снова за работою; таже пѣсня, тотъже отрывистый говоръ! но еще нѣсколько часовъ, и новый шабашъ.... каждый вскидываетъ на плечи кожанный мѣшокъ съ инструментами, положивъ за поясъ топоръ, а на плечо отрубокъ дерева, который несетъ въ артель, придерживаясь родной пословицы: съ міру по ниткѣ—бѣдному рубаха, съ рукъ по полѣну — на день артели топливо есть! Въ эти минуты, пока еще не собралась вся артель, двое или трое изъ нихъ останавливаются побесѣдовать. И, вотъ, какой разсказъ подслушалъ я сегодня. Разсказъ этотъ, какъ нельзя вѣрнѣе, рисуетъ добрую натуру русскаго человѣка.

Два плотника, съ полнымъ запасомъ своихъ инструментовъ вышли на улицу и, поджидая товарищей — остановились у забора — противъ моего окна.

Одинъ изъ нихъ, одѣтый въ полушубокъ и армякъ, поправилъ на головѣ шапку, повертѣлъ топоромъ и, молча, опустился на груду складенныхъ плитъ.

— Слышь.... вы, головы! для-ча не шабашите? спросилъ другой, обращаясь къ двумъ печникамъ, мѣсившимъ глину.

— *Обождй маненько*, такъ и отшабашимъ; неохочется бросать начатаго; вотъ покончимъ, да и въ артельную — ко щамъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Не лиха бѣда, отозвался сидѣвшій плотникъ, малую толику и въ шабашку понатужиться. Не лѣтняя пора! неоттянетъ рукъ; ну — вотъ ужъ и осень пришла; почитай скоро и по деревнямъ....

— Да, голова, подхватилъ другой, скоро и въ деревню! вотъ я, *лѣтась* переслалъ домой рублевъ до сотни, да *ащо* и съ собой понесу — почитай столько же.

— Ой-ли! Ну братъ.... дѣло! а у меня *нонче* зароботки плохи были.... много, коли сто рублевъ, али съ полсотни снесу хозяйкѣ.

— Да нѣшто ты женатъ Паромонычь!...

— Эвося! *ащо* по *запрошлую* весну дѣло-то сладилъ. Ну — и коровенку и лошаденку тесть далъ — избенку выстроилъ; право! такое благопріятствіе, что и сердцемъ непарадуешься! Что дѣлать? и зазорно бы было барынить въ женитьбѣ; да какъ насупротивъ-то обычая пойдешъ?... Ужъ *поиче* порядокъ таковъ!... возмешь жену, да и всякаго хозяйства въ придачу; исто-што встарину бывало! вотъ примѣрно сказать, дѣдъ мой на бабкѣ женился; такъ ужъ истинно по человѣчеству женился....

— Ой-ли?

— Право слово! ужъ можно человѣка добромъ помянуть! Вѣдь какая братъ оказія, такъ любо вспомнить! Вишъ ты, какъ дѣло-то было: гдѣ теперь село наше, тутъ годовъ шестьдесятъ назадъ — была просто деревенька. Всему голова въ ней былъ прикащикъ. Господа-то наѣзжали рѣдко. — Ну и прикащикъ-атъ, прости Господи, былъ что волкъ въ овчарнѣ.... вотъ и случилась, братецъ ты мой, гисторія.... Умеръ пономарь, да передъ смертью и оставь свои деньжонки прикащику, а съ ними дочь. Чтожь бы ты думалъ? лихой человѣкъ, — не тѣмъ будь онъ помянутъ, денежки то пригребъ къ рукамъ, да и угомонилъ ихъ.

— О!... Вишъ-ты какой!... ну, — а сиротина-то?

— Слушай!... вѣстимо дѣло, — та пора была не нонишней чета; *поиче* вездѣ сыщешь судъ, да расправу; ну тогда было иначе, какъ дѣдъ разсказываетъ; къ подъячему и неподходи — бывало.... слова не вымолвитъ, коли ему гроша не положишь.... Вотъ, душа ты моя, и пришла дѣвкѣ доля постылая.... Прикащикъ деньгу-то промоталъ, да на сиротину же и вскинулся: хлѣбъ, говоритъ, мой ѣшь; тяжело мнѣ тебя кормить — да поить; своя семья на шеѣ сѣдитъ; ступай, говоритъ, куда знаешь, аль замужъ отдамъ ужъ за кого нинаесть — сама вѣдаешь, въ твоей долѣ выбирать не изчего!

— Вотъ — злыдень-то! креста-то стало быть на немъ не было?...

— Да ужъ вѣрно такъ! Бога позабылъ, зарылся въ удачѣ — да счастьѣ....

— Ну — такъ, какъ же евто: чѣмъ же дѣло-то порѣшилось?...

— Вотъ, сударь ты мой, надо тебѣ сказать, что сирота-то была красоты писанной, заглядѣнье дѣвица! И приглянись она старому вдовцу.

— Хе!... а онъ приглянулся ли ей?

— Ужъ вѣстимо нѣтъ. Старикъ-то, видно, былъ не промахъ.... Ударилъ челомъ прикащику, а тотъ —

только бы сбыть дѣвку съ рукъ, и порукамъ ударилъ. Заболѣло ретивое у дѣвицы; стало быть черезъ край горе полилось... Она въ слезы: не хочу, говоритъ, за старика! ужъ и такъ вѣкъ мой заѣли, да онъ допытаетъ остальную долю. Нѣтъ, говоритъ, какъ хочешь! лучше хлѣбомъ не корми, да не продавай меня въ неволю горькую....

— Э.... вишъ ты!... Ну, а прикащикъ?

— Что прикащикъ? Махнулъ рукой, да и сговоръ назначилъ. Вотъ сударь ты мой, собрались гости на вечерницу.... тамъ кумовья, кумушки, дѣвки-голубушки, да парни деревенскіе, а съ ними и дѣдъ мой. Плачетъ дѣвка! вотъ уперлась руками и ногами— нехочетъ...силой подъ вѣнецъ тащатъ. Горько стало моему дѣду, разжалобилась душа, хоть въ азартъ готовъ! а какъ хлѣбнулъ чарку, другую, душа-то и заговорила еще больше....

— Задумался молодецъ, да какъ поведетъ по избѣ глазами; всталъ, избоченился, подошелъ къ дѣвицѣ доброй поступью—и сѣлъ подлѣ голубки. Что, говоритъ, Марья Власьевна, аль и въ самомъ дѣлѣ хотятъ вѣкъ твой заѣсть!... такъ не будетъ *эвтаго*, Знай нашихъ!...

— Вотъ — голова!... Ну!...

— Всѣ, знаешь, на него глаза и выпучили, что эвто, дескать Анкудиновъ — никакъ ряхнулся! А — онъ себѣ возми её за руку, да и говоритъ:

— Коли тебѣ эвтотъ старый-неугомонникъ не милъ, пди за меня. Правда, голубка, у меня ничего нѣтъ; да Богъ за доброе дѣло благословитъ меня: заживемъ припѣваючи! — была бы голова, да руки, а на святой православной Руси прокормиться всегда можно. Ну, идешь — што-ли? Иду, говоритъ сиротина: иду добрый человѣкъ....

— Лихо братъ, вотъ лихо! Ну?

— Ну, чегожъ тебѣ больше? Видя то, старикъ самъ передумалъ, а прикащику было все-равно.... Марья Власьевна была моею бабкою....

— Лихо — голова! Вотъ по христіански сдѣлано дѣло! вотъ добрый человѣкъ! заключилъ плотникъ...

Въ это время артель собралась и мужички, вооруженные топливомъ, съ веселымъ говоромъ отправились обѣдать.

Шедровский

XII.

РУССКАЯ СИЛА.

Съ русскою совѣстью, снаровкою, отвагой, да силой — хоть вѣсь свѣтъ исходи... не споткнешься; — а ужъ на послѣднюю, словно на каменную гору, надѣяться можно. Да и — что это за натура у русскаго человѣка?... поглядишь, словно изъ желѣза выкованъ; все ему ни почемъ: ни вьюги, ни морозы!... Онъ съ однимъ кулакомъ, въ старину, бывало, на бой вызывалъ цѣлую ватагу бусурманскую, и вооруженный только отвагой, да рогатиной, на медвѣдя идетъ, будтобъ на котенка; сломлю, говоритъ, дай только изнамѣриться, а ужъ воротa не подставлю, у *топтыгина* въ когтяхъ не запутаюсь. Не даромъ русская сказска сочинила Илью Муромца, что тридцать лѣтъ съ недѣлями сиднемъ-сидѣлъ, и про Соловья разбойника, сидѣвшаго на семи дубахъ, у котораго отъ одного молодецкаго посвисту лѣсъ, словно отъ вихря, лоскомъ ложился, а листочки, какъ осенью—дождемъ на землю сыпались... Въ этихъ сказочныхъ витязяхъ все отраженіе русской богатырской силы, вся мощь сѣвернаго атлета, вскормленнаго непогодою и холодомъ родной стороны. Посмотрите на русскаго водовоза... ему ни почемъ цѣлую полѣницу, ради шутки—стащить въ пятый этажъ, и унести, за споромъ, хоть два раза назадъ столько же; а у ломоваго извощика иной разъ за спиной — гора-горой, а онъ несетъ и неморщится. Подбросить куль — легко, безъ натуги, будто комара съ носу щелчкомъ согналъ. За то ужъ этотъ народъ и небережетъ про запасъ своей силы; вездѣ готовъ съ нею, на помогу, первый: съ лошадью въ телѣгу впрягется, и, какъ пить—дастъ, тяжелый возъ изъ грязи и бѣды выручитъ. А ужъ,—гдѣ за споромъ дѣло стало, незамай! развернется и однимъ кулакомъ врага, какъ траву выкоситъ. — Послушаешь иной разъ стариковъ о томъ, какъ въ старину на святой Руси силой мѣрялись, да удаль молодецкую пытали, такъ, право, и повѣрить трудно....

Вотъ какъ жили наши дѣды,
Въ вѣчно памятныхъ годахъ:
Ихъ не сытные обѣды
Присыщали на пирахъ....
Не мальвазія хмѣльная,
Чѣмъ хмѣлѣла старина;
И не дѣва молодая,
И не звонкая струна.
Имъ и пиръ не въ пиръ бывало,

Если челядь у крыльца
Ихъ борьбой не потѣшала;
Если виднаго бойца
Не сломилъ удалой Гришка...
Если только у толпы,
Изъ закинутой ковришки,—
Не подбиты были лбы.
Имъ давай арену — травли,
Да медвѣдя, да борцевъ,
Да рогатину, — да грабли,
Да могучихъ удальцовъ!

Въ самомъ дѣлѣ, въ старину это бывало; но слава Богу—такія понятія о навыкѣ къ удальству и къ развитію силы миновались. Русскій человѣкъ понялъ, что безумно драться для потѣхи, и что сила его, да удаль лучше пригодятся, когдо надобна, отстоять родину, отплатить врагу зубоскалу.

Отчаянные кулачные бои, цѣлыми ватагами, нынѣ къ благополучію русскаго простолюдина, стали для него только прошедшимъ. Въ настоящее время даже борьба — схватка подъ поясъ, прекратилась.

Лишь отъ одного наслажденія: — тряхнуть немного пріятеля—не скоро отвыкнетъ русскій дѣтина! да и какъ ему это сдѣлать?...

Въ морозный день—Ванька передрогъ до мозговъ, ожидая сѣдока; пощелкивая зубами и похлопывая рукавицей, — онъ невольно подзадориваетъ схватиться съ нимъ или саячника, или такого же, каковъ самъ, не казистаго возницу.

— Отстань голова, говоритъ подзадоренный; вѣдь тряхну, пухъ изъ шапки посыплется....

— Ой-ли?... а пешто, я те вотъ такъ и дался. Ну ка тряхни!... видали мы васъ, братъ; не такую волнушку уписывали; не такихъ заморышей сламывали....

— Ну — смотри!...

— Чего голова?... вижу, что ты словно примерзъ къ мѣсту.

— Ой.... не подзадоривай! вѣдь на споръ пойдетъ, калачь прозакладую, что вотъ только за поясъ ухвачу, такъ съ ногъ покатишься....

— Изволь! чай — тебѣ пропью...

— Давай!...

— Изволь, — давай! Максимъ,—говоритъ ратоборецъ, третьему свидѣтелю: гляди, чай въ отвѣтѣ!

— Слышь Максимъ, подхватываетъ другой, калачемъ заманилъ. Ну-ка, авось ради московскаго я тебя самъ въ бубликъ совью....

Схватились и крякнули, и закрутились. Глядишь: ни калачь, ни чай не выигралъ; оба хвастуна — на панелѣ....

Вотъ и Матвѣй—дворникъ—такой же угаръ! все

наровитъ кого нибудь подзадорить, — и все, чтобы, подчасъ... чай или пива стаканъ московскаго выжать изъ поясницы пріятеля.

Вотъ, разъ, на потѣху цѣлаго двора, и привелъ другой дворникъ своего однодеревенца, такого, по словамъ его медвѣдя, что изъ цѣлаго дуба дугу выгнетъ, да и свелъ молодцевъ....

Матвѣй стоялъ у своей двери, переглядываясь съ знакомою молодкою, которая ловко, вскинувъ на плечо корзинку съ бѣльемъ, проходила изъ прачешной, въ то время, какъ въ глубинѣ двора, ея товарка что-то торговала у разнощика.

— Что братъ, сказалъ товарищъ Матвѣя, указывая на гостя, вотъ,—какъ думаешь, — уламаешь ли эвтаго парня?

— Пхе!... Матвѣй презрительно улыбнулся. Эвтаго?... случалось видать, братъ, и почище....

— Что жъ, *можетъ статься* и видали, съ двусмысленной улыбкой отозвался гость,— да только съ низу, аль съ верху?

— Чего?... я бы тебѣ показалъ, какъ съ низу....

— Ой-ли.... ишь ты какой ухарской....

— Да, ужъ про то мы знаемъ....

— То-то....

— Что — то-то?...

— Да вѣстимо Матюха трусишь!

— Трушу? — ну, а хочешь Московскую солянку отвѣчу, коли я его въ два кольца не совью...

— Изволь!

— Изволь!

Гость швырнулъ на землю шапку, изнамѣрился и схватилъ силача одною рукою подъ поясъ, закрутивъ другую въ кушакѣ противника. — Въ свою очередь, Матвѣй быстро отставилъ правую ногу назадъ, а лѣвую выставилъ впередъ, стараясь свернуть врага *подъ ножку*. *)

Нѣсколько мгновеній результатъ борьбы оставался сомнительнымъ; борцы, какъ бы сговорясь, тяжело вздохнули, бросили другъ друга и опять сошлись съ новою силою.

— Что!... не беретъ? промолвилъ дворникъ....

Но Матвѣй собралъ послѣднее усиліе и борцы заматались изъ стороны въ сторону.... Наконецъ Матвѣй сломилъ!...

— Давай салянку, касимовской медвѣдь! весело сказалъ онъ, отирая со лба крупныя капли поту и, потирая себѣ бока.

Враги чужеземныя хорошо знаютъ русскую силу....

*) Техническое выраженіе.

Щедровский

XIII.

СЛУЖБА.

Рано утромъ, почитай, что передъ заутреней, стряхнувъ дождь съ ранца и фуражки—въ дворницкую Макара постучался безсрочно-отпускной стрѣлокъ; дверь скрыпнула на ржавыхъ петляхъ, и сѣдая борода Макара ткнулась клиномъ на пуговицу шинели служаки.

— Здорово землякъ! весело молвилъ стрѣлокъ, безъцеремонно сбросивъ на лавку походный ранецъ и, бережно поправивъ привязанные на немъ запасные сапоги.

Макаръ, хотя и былъ съ просонья, хоть пятнадцать лѣтъ не видалъ земляка, а ужъ—верно русское сердце вѣщунъ... старикъ узналъ, тотчасъ—своего одно-деревенца....

— Ба! Меркулъ-Меркулычъ! нашъ диковинный Кремешковъ! привелъ Богъ свидѣться!...

— Куда *эвто* и *отколя*? спросилъ старикъ.

— Изъ Выборга, то-есть, изъ казармы, отъ отцевъ командировъ, въ наше родимое село къ отцамъ родичамъ. А вотъ, было попути, то-есть-маненько въ сторону,— ну-и свернулъ я фарсированнымъ въ твою подворотню. Дай, дескать--думаю, въ проходку у земляка побываю... да снесу отъ него поклонъ деревенскимъ друзьямъ.

— Ахъ ты голубчикъ мой! ахъ ты сердечный! говорилъ Макаръ, качая сѣдою головою и, почти, не вслушиваясь въ послѣднія слова гостя. Ну... ужъ и сталъ же ты молодцемъ! любо-дорого смотрѣть; такой козырь.... такой бравый!...

— Гм!... бравый! насмешливо перебилъ служака.— А развѣ—подъ ружьемъ видалъ ты русскаго стрѣлка какого *нинесть* прищуру Герасимовича? нѣтъ, братъ старина, пятнадцать лѣтъ честной службы, да лихой выправки, да два молодецкихъ похода, да полсотни разныхъ схватокъ съ врагомъ — хоть кого помолодятъ и выправятъ....

— Такъ, такъ, разлюбезный ты мой Кремешковъ,— шепталъ старикъ. Ну,... ну, садись родимый! чѣмъ тебя потчивать?— ну, какъ служба?...

— Что служба? хорошему, братъ, вездѣ хорошо; бравому, то-есть исправному солдату, служба—мать кормилица, да такая мать, что и родную-то для нее разлюбишь, въ огонь полѣзешъ; командирство у тебя, что ни наесть, все разлихіе слуги Царскіе. Ну, а плохой солдатъ не взыщи; для него служба мачиха.— Ему, неумытому и дареная чарка горче полыни-кажется!

— Гм!... есть, что ли у тебя.... съ усталости-то? помолчавъ нѣсколько началъ Кремешковъ... за чаркой то и отдохнуть повадньѣе, да и покалякать.... такихъ чудесъ на скажу, что жалѣть станешъ, для-ча сѣдина подкрасила бороду, да за чѣмъ самъ не всталъ подъ ружьемъ съ молоду? Вишъ оно что!

При послѣднихъ словахъ служаки, гостепріимный Макаръ опрометью бросился къ своему ветхому поставцу и, вынувъ изъ него бутылку съ водкой, поставилъ ее на столъ.—

Служака крякнулъ, растягнулъ воротникъ шинели и, тряхнувъ плечами, протянулъ руку къ чаркѣ.

— За твое здоровье старина, сказалъ онъ; эхъ! хороша, а все не то что финляндская.—Та *маненько* будетъ по смачньѣе, да и по сердитѣе! Вотъ, братъ, въ службѣ-то всего отвѣдаешь, всего наглядишся, во всѣхъ, то-есть, заморскихъ націяхъ погостишь!

— Э!... а нешто ты, Кремешковъ, и въ Нѣмецкихъ земляхъ бывалъ?...

— А то какъ же? Позапрошлый годъ на Венгра ходилъ; ну... и Прусскую землю знаю.—Отличная-братъ земля! да и народъ, то-есть, такой великатности, что вѣкъ бы съ нимъ жилъ да цѣловался въ тридцать пятомъ году—Батюшко Царь на корабляхъ послалъ насъ въ Данцигскую землю.... энто въ Пруссіи. Ну, братъ, ужъ было на што полюбоваться!... Не выбирали насъ, а были мы всѣ словно выбранные: молодецъ къ молодцу, плечо къ плечу.... Какъ прошли братъ—голова... стѣнойстройною,—какъ молвилъ намъ, Царь нашъ—свое дорогое, разлюбезное спасибо,—словно море разлилось въ отвѣтъ ему молодецкое ура! Эхъ ты времячко! Ужъ было намъ тогда житье! Что это за добрѣющій хлѣбосолъ нѣмецъ! мясо, кортофель, то есть объяденье во всемъ! — Служака остановился, подумалъ съ минуту, выпилъ и продолжалъ:

— Ну и въ нашей Финляндіи также стаивалъ. Дѣвчата тамъ, чухонки то есть, нечего сказать, преавантажныя... иная, прочая, знаешь,въ этакой шерстяной—юпочкѣ, съ красной фальборочкой—ножка такая, что, право на удивленіе.... Ну и до нашего брата не то чтобы какъ ни наесть, ласковы. Впрочемъ, примѣрно сказать, — я вотъ на своемъ вѣку замѣтилъ, что на нашего брата солдата, какъ-то во всѣхъ земляхъ, женскій полъ — повадньѣе смотритъ!...

— А.... да вотъ и они голубчики!... весело добавилъ Кремешковъ, принимаясь за третью чарку и, указывая въ окно на двухъ Финновъ, остановившихся противъ крошечнаго окна дворницкой....

— Э! такъ эвти? спросилъ Макаръ, устремивъ любопытный взглядъ наблюдателя на флегматическую

наружность чухонцевъ.... Да, что эвто — они, о чемъ разсуждаютъ? Ты, вѣдь, чай по ихнему разумѣешь?

— Еще бы!... въ службѣ, братъ, всему научишься.... Я вотъ, почитай на трехъ иностранныхъ діалектахъ говорить могу... и хлѣба, и шнапсу и постель спросить умѣю.... ну, слышь ты; вонъ одинъ изъ нихъ говоритъ: «*анна рага ривна копека*» а я, вотъ, и знаю что евто по русскому значитъ....

— Ой-ли?

— Право-слово!... Онъ говоритъ — одну, дескать, гривну копѣекъ надо.... Вотъ ты и знай нашихъ!... А все мать служба всякому знанію научила....

— Важно, братъ Кремешковъ, — право важно! отозвался Макаръ.... Вотъ, продолжалъ онъ, пойдешъ теперь въ деревню, не налюбуются тобой....

— Гм!... то-то и оно, дядя Макаръ; тебѣ почитай не безъизвѣстно, что я въ службу охотой пошелъ, за брата. Да ужъ, и правду молвить, вѣкъ буду Бога благодарить за такую молодецкую догадку! — Теперь—бы я просто—лапоть былъ!... на работу бы съ бабами ходилъ, на поседелкахъ ниву бы дивился!.. анъ поглядишь—служба-то изъ меня гренадера—служаку выправила... Кавалерія на груди есть,—стало быть Царскимъ пожалованьемъ, что Божіею многою милостію взыскапъ, всякому кто только глазпкомъ на меня мигнетъ, въ умъ разумъ придетъ: дивись голова! стало быть, Государю, отечеству, Россіи матушкѣ послужилъ. Вонъ оно што!... Теперь приду въ родную избу, такъ отецъ съ матерью чай съ коробъ слезъ наплачутъ отъ радости, какъ обоймутъ грудь богатырскую, отслужившую присягѣ совѣстлево и честно. Да и вездѣ мнѣ почетъ и всяческое уваженіе; всѣ кавалеромъ зовутъ.... и въ избѣ, почетная лавка подъ иконою—вездѣ моя!... да еще и самъ не пойду, не сяду; невѣжливо! то есть мы службу знаемъ; вотъ оно што! Ну — да, впрочемъ заболтался я; пора генералъ-маршъ ударить, да и въ походъ. Ну, такъ спести отъ тебя домочадцамъ по поклону, душа моя Макаръ Михѣевичь?

— Какъ же, какъ же, родимой! бей имъ всѣмъ —челомъ; скажи: меня старика Богъ милуетъ; живу, не што! горя не вижу! прости родимый!

— Прощай — старина! много благодарны за угощенье.

Кремешковъ перекрестился на святыя иконы, взбросилъ на плечи ранецъ, застягнулъ крючки у воротника шинели, — чмокнулъ Макара въ губы и вышелъ на улицу....

— Ухъ ты.... лебедь бѣлая! промолвилъ веселый стрѣлокъ—любезно взглянувъ на охтенку, переливав-

шую изъ одной кружки въ другую подозрительно—бѣлый устой.

— А, вонъ и наши знакомцы, продолжалъ солдатъ, проходя скорымъ шагомъ на улицу, и, съ улыбкой глядя, на двухъ финовъ, изъ которыхъ одинъ, заложивъ руку въ карманъ жилета, выслушивалъ скорую рѣчь товарища, подававшаго ему пятакъ.

— Чай — складчину на селедку затѣваютъ! насмѣшливо заключилъ удалявшійся Кремешковъ.

XIV.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ УТРО.

Утро, въ прямомъ житейскомъ значеніи—есть начало дня; время, смѣняющее мракъ—на свѣтъ,—усыпленіе — на бодрость,— бездѣйствіе—на суету... и сны—на дѣйствительность. Но, какъ прикажите опредѣлить точную минуту Петербургскаго утра, когда здѣсь, для однихъ—день начинается съ первымъ вскрикомъ пѣтуха,— для другихъ—съ послѣднею пулькою преферанса, для третьихъ съ полдникомъ каменьщика, а для четвертыхъ никогда не начинается; потому, что они засыпаютъ передъ разсвѣтомъ и просыпаются въ сумерьки! Есть, наконецъ, и такіе, которые съ полнымъ приходомъ дня, опасаясь, изъ экономіи, издержаться на свѣчьку, стараются уверить самихъ себя, что все-еще ночь,— или, необладая часами—узнаютъ утро по скрипу дверей у сосѣда; и, если по какому-нибудь случаю, тотъ начнетъ утро съ пол-дня, они, по догадки, начинаютъ его только часомъ ранѣе....

Однако, во всякомъ случаѣ, Петербургъ не лишенъ же утра! и если, нельзя нарисовать общей и точной его картины, то легко подмѣтить болѣе видныя частности....

Едва только въ рѣдѣющемъ мракѣ ночи сверкнетъ послѣдняя искра, вылѣтѣвшая вмѣстѣ съ дымомъ изъ трубы неутомимаго-нѣмца булочьника, едва только прозвучитъ въ воздухѣ послѣдній протяжный окликъ бодраго стража, слившись съ мѣрною дробью зареваго барабана—на городской гауптвахтѣ, какъ тамъ и сямъ, въ домахъ, замѣлькаютъ одинокіе огоньки.... Это огни—или дельца—труженика, или честнаго ремесленника, или огонь освятившій уютный уголъ, въ которомъ пріютилась горемычная бѣдность. Но ни на дворахъ, ни на улицѣ—не слышно еще ни стуку, ни скрипу; сонный Ванька, спрятавшій носъ за пазаху армяка, промелькнетъ на площади, вызвавъ неугомонный лай собакъ. Вскорѣ этотъ лай сливается въ общій гулъ разсерженныхъ псовъ, которые теперь замѣтили на тротуарѣ новое живое существо.... Это существо, черное, флегматически — безпечное, вооруженное фонаремъ и метлою, всегда начинаетъ жизнь и движеніе Петербургскаго утра.... Это трубочистъ! Съ появленіемъ его, дворникъ бросаетъ свой постъ, свою подворотню и привѣтствуетъ пришельца обычнымъ вопросомъ:

— Что эвта сегодня Іоганъ, чуть не съ полуночи—тебя принесло?...

— Какъ надо ѣсть.... и работа много, то надо рано работу взять, отвѣчаетъ серьезный чухонецъ.

— Вотъ оно что!... Важная работа, нечего сказать! для того—чтобы носъ выпачкать на острастку робятамъ, стоитъ православный народъ подымать съ позаранокъ....

— Мнѣ всѐ равно: такъ козяинъ кочетъ, отвѣчаетъ чухонецъ, коверкая русскую фразу; а ты, вотъ, продолжаетъ онъ, давай мене ключь на чердакъ.

— На.... ключь-отъ, правалпвай! да смотри, не зарони томо-тъ-ко огня! фонарь то у тебя крѣпокъ ли?...

— Фонарь — хорошо.

И позванивая ключами, трубочистъ мѣрнымъ шагомъ отправляется на крышу въ то время — какъ дворникъ берется за метлу и выходитъ на панель.

Чрезъ нѣсколько минутъ на черной лѣстницѣ у жилыхъ дверей раздается громкій стукъ, на который отвѣчаетъ окликъ сонной кухарки:

— Вѣрно черномазый?... Ну.... такъ и есть!... Черномазый, привѣтствуемый шавкою или бульдогомъ, подымаетъ съ лѣниваго одра всѣхъ обитателей кухни. — Мало по малу, двери завизжали на петляхъ; на лѣстницѣ раздался стукъ и шорохъ шаговъ; на дворѣ, два три голоса перекинулись вопросомъ.... Это кухарка и дворникъ! одинъ отправляется въ сарай за дровами, другая отворять ставни... и въ лавку. Лавки и Харчевни отворены: въ первыхъ, полусонный прикащикъ собираетъ отъ посѣтителей вчерашнія новости;— во вторыхъ слышенъ звукъ чайниковъ и чашекъ. Надъ домами начинаетъ взиваться легкій дымокъ, а на дворахъ уже сошлись обычные дѣятели ранняго утра.

Тамъ, въ одномъ углу, прачка, развѣшивая бѣлье, перекликивается съ товаркою:

— Марѳа... слышъ-ты, Марѳа!...

— Да слышу, чего тебѣ?

— Чего?.... вотъ одного полотенца не досчитаюсь.

— Что ты? какъ это можно!... Кажиную стирку у насъ съ тобою что нибудь — да пропадетъ. И сохрани тебя Господи, коли не сыщешь! ужъ тогда экономка все насчетъ поставитъ.

— Да, что жъ я.... съѣла его что-ли?

— Вѣстимо-тъ-ко съѣла! подхватываетъ шутникъ дворникъ, складывая на полуразрушенномъ ларѣ вязанку дровъ.

— Молчи, ты!... всякой сверчокъ знай свой шестокъ, а въ чужое дѣло не моги соваться....

— Ой-ли?... Ужъ и осерчала! ишъ-ты недотыкароговна! поддакиваетъ водовозъ, такой же любезникъ, какъ и дворникъ.

— А ты чего—не умытый? вотъ—глядѣлъ бы за своимъ боченкомъ; почитай всѣ обручи ржавина съѣла....

— Правда, правда! отзывается дворникъ...Утебѣ—полотенцо, а у него скушала ржавчина обручи...

— И за этой остротой слѣдуетъ общій смѣхъ, въ которомъ не принимаетъ только участіе обиженная прачка.

— Смѣйся, смѣйся! отзывается она; тебѣ горе-то незнамо, такъ и зубоскалишь, а тутъ вотъ смотришь, бѣлья недосчиталась....

— Да вѣдь я такъ, голова!

— То-то и есть.... такъ!

— Пошарила бы гдѣ нинаесть.... можетъ статься и запропастилась — куда нибудь пропажа... кому же взять-то? Дворъ-отъ, благодаря Бога, честный; воровства не случалось.

— Эхъ ты, Максимовна! восклицаетъ водовозъ, опускаясь возлѣ своего боченка и, вытаскивая изъ-за голенища берестовую тавлинку, вотъ не хошъ-ли, съ горя, щепоть.... другую табачку?

— Проподай-ты и съ нимъ-то.

— Чтожъ такъ?... вѣдь самодѣльщина, голова! право слово, такой забпрательный; что въ носъ... то спасибо! Нюхни, Максимовна!

— Отстань.

— Ну... а ты, Меркулычь?

— Для-ча голова! давай! и Меркулычь, перекинувъ черезъ плечо веревку, связывавшую ношу, протянулъ руку къ тавлинкѣ водовоза, черезъ голову Максимовны, роющейся въ корзинкѣ. Вотъ нюхнемъ, да и потянемся въ пятый, сказалъ онъ.

— И пора бы тебѣ, балагуръ безъдомный, замѣчаетъ Максимовна. Смотри не забудь: ужо-тъ-ко надо на рѣку ѣхать... бѣлье полоскать. Господа, куда пишло, рюмкой вотки почествуютъ; а я ужъ, такъ и быть,— въ субботу кофеишкомъ угощу....

— Ладно, ладно, душа Максимовна.

Дворникъ понюхалъ самодѣльнаго зеленьчаку, взвалилъ на спину вязанку, и крехтя, отправился черезъ дворъ налѣстницу.

А между тѣмъ дворъ оживаетъ съ каждою минутою. Кухарки спуютъ черезъ дворъ и въ вороты; голоса продавцовъ сливаются въ разнотонный напѣвъ, и Петербургское утро, для простолюдина, едвали не кончается съ уходомъ за вороты мясника, одѣлившаго котовъ и кошекъ заказною печенью....

XV.

УМЪ И СНОРОВКА.

Требуйте, какъ англичанинъ — ножку жаренаго воробья, — какъ нѣмецъ — рюмку киршвассеру, — какъ Потемкинъ кислой капусты; услужливая — мелкая промышленность явится къ вамъ съ поклономъ.... Она, неизбѣжный рычагъ въ жизни людей... она, съ утра до поздняго вечера хлопочетъ, тащится въ тѣлегѣ и мчится въ паровозѣ; выплясываетъ на канатѣ, дѣлаетъ изъ копейки рубль, танцуетъ на морозѣ и изобретаетъ *неистощимыя бутылки*. Возьмите какой угодно предметъ вашихъ потребностей: вы найдете на одномъ концѣ его магазины и тысячи рублей, — на другомъ корзинки и копейки.... Нѣтъ, кажется предмета, котораго бы мелкая промышленность не носила по улицамъ; она ходитъ изъ дома въ домъ, изъ улицы въ другую... Сидите у себя дома... и вы можете, что угодно продать.... Къ вамъ придутъ торговать старые обноски вашего халата, золу изъ вашихъ печекъ, груды-хламу, валяющагося подъ окномъ и, разрозненныя томы классиковъ. — Слухъ вашъ поражаютъ то звуки шарманки, то тирольская пѣсня.... это поетъ и наигрываетъ мелкая промышленность... Неугодно ли вамъ стиховъ, не закажители романа съ интригою и безъ оной, въ тридцать частей; не нужно ли полнаго и подробнаго описанія Шпицъ-Бергена и Гренландіи?.. промышленность не прочь и отъ поэзіи, прозы и путешествія въ неоткрытыя страны! Вамъ угодно сдѣлать обѣдъ? Но, у васъ нѣтъ ничего кромѣ пустой залы.... А есть ли у васъ деньги? — Есть.... Скажите же сколько у васъ будетъ гостей и — дѣло кончено.... Завтраже каждый изъ нихъ получитъ печатный билѣтъ; огромные столы заломятся у васъ подъ тяжестію серебра, золота, фарфора; среди жаркаго лѣта сахаръ съ цейланскими пряностями замерзнетъ въ видѣ апельсиновъ и ананасовъ, аршинныя стерляди изъ Шексны и Волги явятся тутъ же; зимой — горы анапасовъ перенесутъ ваше воображеніе въ Италію; и пусть идетъ хлопьями снѣгъ.... ничего! Розы, лавровые, померанцовые, лимонные деревья зазеленѣютъ, заблагоухаютъ въ вашей залѣ; ароматъ и амбра Востока упоятъ обоняніе вашихъ гостей; а съ благодатныхъ полей Шампани, изъ Лондонскихъ пивоварень, изъ драгоценной бочки Гейдельберга, съ тучныхъ холмовъ Токая, изъ кислыхъ источниковъ Зельцера, съ палящихъ плантацій Ямайки — польются

рѣками — вино, пиво, водка; пока гости ваши наслаждаются устрицами, черепахами, пирогами изъ Стразбурга, сыромъ изъ Лимбурга, перепелками изъ Курска, виноградомъ изъ Астрахани; пока богатыя канделабры Сазикова льютъ тысячи огней,— неугодно ли вамъ еще музыки Іосифа Гунгля, которая будетъ нѣжить вашъ слухъ. Все принесутъ вамъ... Незаботтесь!.. мѣлкая промышленность собьетъ съ ногъ кандитеровъ, поваровъ, извощиковъ, рыбаковъ, садовниковъ... Все дадутъ вамъ на прокатъ— покупать не нужно, кромѣ того что съѣдятъ, разобьютъ и выпьютъ! Сего дня у васъ можно было угостить тысячу персонъ, завтра не будетъ ничего,— и слѣды мишувшаго только остаются въ книѣ счетовъ и въ убыли вашего бумажника.... Когда въ бумажникѣ пусто.... угощеніе будетъ вамъ стоить только то, что стоитъ листъ вексельной бумаги,— если вы безспорный наслѣдникъ дядюшки, который отживаетъ свой вѣкъ.

Вотъ мелкая промышленность сидитъ на углу улицы — и продаетъ яблоки; — вотъ она, въ морозъ и ненастье набиваетъ льдомъ вашъ погребъ; вотъ — она отворяетъ дверь и кланяется вамъ когда вы идете въ гостинницу; вотъ она печется на солнцѣ, спитъ на кучѣ песку, ѣстъ хлѣбъ съ водою и моститъ улицы, садитъ рядкомъ липки, обкладываетъ бульвары дерномъ и чиститъ уличную канаву. Мелкая промышленность на все согласна.... Вотъ она предъ вами на каждомъ перекресткѣ, съ жестянками морожена-го, по пятаку рюмка; съ возомъ песку, гороху, бобовъ, рѣпы, крыжевника... Это что такое?... Ничего-съ.... Вашъ портретъ, написанный солнцемъ.... возьмите его; только три цѣлковыхъ!... Вотъ вамъ силюэтъ, вырѣзанный изъ черной бумаги—дайте пятиалтынный....

Но—вотъ, гдѣ раздолье мелкой промышленности... Посмотрите, какъ она облепила каждый уголокъ лавочками, шкафиками, столиками, балаганчиками; жмется въ погрѣбахъ,—живетъ подъ крышею, ходитъ и стоитъ съ ящиками, коробками, лотками.... Это *Толкучій*.... Тутъ міръ лоскутьевъ, тряпицъ, поношеннаго бѣлья, ломаныхъ вещей, старыхъ книгъ, шляпъ безъ полей и дна, чашекъ безъ ручекъ, перекупщиковъ и барышниковъ.... Тутъ все!... Парики и футляры, цвѣты и скребницы, картузы и рамы... Тысячи предметовъ отъ земли, воздуха, воды и огня;—отъ всѣхъ трехъ царствъ природы.... все, начиная отъ зубочистки до древняго тарантаса.... Несите туда стаканъ безъ дна, бутылку безъ горла—покупщикъ найдется; не держитесь рукою за платокъ вашъ, въ карманѣ,—

его вытащатъ. Толпы народа ходятъ, движутся, пьютъ чай, ѣдятъ пироги и сайки—подъ звуки гармоники, мѣлькаютъ пестрыя пояса, щеточки, улыбки.... тамъ и сямъ звучитъ: купите-съ! не продаете ли?... Пожалуйте—съ—у насъ покупали!...

Мальчикъ, въ кожанномъ передникѣ, нечесаный и не мытый,—припѣвая пѣсню, выправляетъ на желѣзной тумбѣ ржавые гвозди; на противъ его двѣ три—солопницы, пёстрыя—какъ московскій ситецъ, навьюченныя шляпами, шляпками, кофтами и куртками—отбиваютъ другъ у друга покупателей.... Вотъ, два субъекта толкучаго рынка и мѣлкой промышленности.... Первый, здѣсь—въ школѣ.... Онъ пойдетъ впередъ; другія доживаютъ свой вѣкъ, распродаютъ послѣднія лоскутья, дряхлѣютъ вмѣстѣ съ своимъ товаромъ....

— Что, Петька; подико, по попишней осѣнѣ, въ деревню поѣдешъ? спрашиваетъ одна изъ торговокъ, обращаясь къ мальчику, выправляющему гвозди и проволоку....

— Въ деревню?... За чѣмъ?

— Ну, вѣстимо, съ отцомъ матерью повидаться, пестрый платокъ сестрѣ подарить.... вотъ, купилъ бы у меня... Старенькій, а ничего... платокъ-то барскій...

— Ненадо, Арсеньевна... Не до деревни намъ теперь....

— Это отъ чего?...

— Отъ того, что прощай *толкучка*.... Наши поѣхали дальше.... Оставайтесь вы тутъ.... больше—ужъ, не лакомиться Петьки вашимъ кофѣишкомъ.

— Вотъ какъ!... Далеча ли это? подхватываетъ другая.

— Въ другую лавку.... Прикащикомъ переводитъ хозяинъ.

— Прикащикомъ!... Вишъ ты какъ!...

— Да, вотъ и знай нашихъ!... Будетъ, говоритъ хозяинъ, понамѣтался Петруха, да ужъ и года то не тѣ, чтобы на побѣгушкахъ быть.... Пора на все умомъ разумомъ раскинуть!...

— Славно, славно Петя.... Чтожъ, помогай тебѣ Господи.... Тамъ—смотришъ—годковъ пятокъ и самъ хозяиномъ заживешъ....

— Ужъ вѣстимо.... Видали мы, какъ дѣла-то обдѣлываются.... Нужны только сноровка, да пословица: себя не забывай. Посмотри-ко, какъ шагнемъ.... Тамо-тъ-ко и за подряды возмемся....

— Вѣстимо.... Вѣстимо! Да и будетъ такъ....

— Спасибо, Арсеньевна; дай Богъ твоими устами медъ пить....

— И што тутъ говорить батюшка; такъ ужъ *споконъ* вѣку дѣлается.... Твое,—не наше сиротское дѣло.... Вотъ, послѣднія тряпички продаемъ, руки давно измаялись; глаза слѣпы стали; хоть ты *што хошь*.... хоть сама покупай!

— Что дѣлать-то, Арсеньевна; всѣ подъ Богомъ ходимъ.... Ничего.... Свѣтъ не безъ добрыхъ людей....

Всамомъ дѣлѣ — мелькнуло нѣсколько лѣтъ, своимъ обычнымъ чередомъ — въ вѣчность, и слова солопницъ и ихъ тоскливое предчувствіе сбылись на дѣлѣ.

Однажды, въ праздничное осеннѣе утро, двѣ старухи нищинки, въ вѣтхихъ салопахъ — пріютились у каменнаго забора, — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ какихъ-то мужичковъ земляковъ, угощавшихъ другъ друга роднымъ зеленчакомъ.

— Что, кума, ужъ не поплестись ли намъ съ тобою въ свой уголъ? сказала одна изъ старухъ.... Вишъ ты вѣтеръ-то какой холодный, да и дождь, кажись, скоро польетъ.....

— Обождемъ не много....

— Чего ждать-то; кто теперь кромѣ нашаго брата выйдетъ за вороты?

— А.... вонъ, поглядико, купецъ....

Старуха прищурила глаза, стараясь вглядѣться въ осанистую фигуру купца.

Между тѣмъ, послѣдній мѣрнымъ шагомъ приближался къ старухамъ.

Синій, длиннополый сюртукъ плотно обтягивалъ его станъ; изъ подъ сюртука выглядывалъ глянцовитый сапогъ, неизмѣнно со скрипомъ. Изъ подъ шляпы, тщательно приглаженной, выбивался курчавый волосъ, почти одинаковаго цвѣта съ красно—полинявшимъ зонтикомъ, на который медленно опирался прохожій.

Для бѣдныхъ старухъ — этотъ прохожій былъ вѣрный датель: надо сказать къ чести русскаго народа, особенно купечества, нищій не отходитъ отъ ихъ порога безъ подаянія.... Намъ часто случалось видѣть во многихъ магазинахъ и лавкахъ — нарочно размѣненныя деньги, постоянно дополняемые каждый день, которые кладутся у самыхъ дверей на шкапъ или лавку и раздаются каждому изъ приходящихъ просителей милостыни.

— Батюшка! подайте милостыню! Заговорили старухи, съ низскимъ поклономъ встрѣчая купца.

Прохожій, медленно кинулъ свой красный зонтикъ подъ мышку и, отвернувъ полу сюртука — молча опустилъ руку въ карманъ.

— Смотрико, шепнула одна изъ старухъ, толкнувъ свою товарку.... Да, никакъ это Петръ Сергѣичъ?

Послѣднія слова были сказаны такъ громко, что купецъ не могъ неразслышать ихъ. — Онъ поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на старуху.

— А почему ты меня знаешь, тетка? спросилъ онъ.

— Какъ же, батюшка; какъ же кормилецъ! съ низкимъ поклономъ отвѣчала старуха.... Много ужъ годовъ — то тому назадъ, какъ я тебя знала.... Маленькаго такого.... Кофішшко мой пивалъ.... Въ толкучемъ то, — кормилецъ.... Я, вѣдь, солопница Арсеньевна....

— Вотъ што!... Здравствуй, здравствуй старуха... Ну, я бы неузналъ тебя Арсеньевна.... Шако вотъ тебѣ, ради встрѣчи — двугривенничекъ....

— Много благодарны батюшка....

— Не начемъ, не начемъ.... Арсеньевна.... Вотъ, видишь ли: слова то твои сбылись.... Я теперь своимъ домкомъ живу; есть и хозяйка, и ребятишки.

— Ну — и слава — Богу, батюшка!

— Да.... ну и капиталишко — сбилъ, подрядами занимаюсь.... А, все душа, моя трудъ, умъ да снаровка.... Ну прощай.... Заходи иной разъ.... коли нужда одолѣетъ.... вонъ угловой — то домъ; вѣдь это мой собственный....

— Радуюсь батюшка, наградила васъ доля хорошая, отвѣчала старуха не переставая кланяться....

— Такъ, такъ Арсеньевна.... Что Бога гнѣвить.... Хорошо началъ, да Богъ дастъ хорошо и кончу.... Умъ, да снаровка — въ нашемъ дѣлѣ важная статья! заключилъ купецъ.

Шедровский

XVI.

ХОЗЯЙСКІЙ СЫНОКЪ.

Все на свѣтѣ имѣетъ свою лицевую сторону и изнанку. Возьмите чистый, бѣлый листъ бумаги: одна сторона его, какъ зеркало,—на другой—комаръ споткнется; посмотрите на хорошенькую женщину: брови у ней соболемъ, ротикъ—какъ очеровательная чашечка розы; ножка такая, что пару въ боковой карманъ спрятать можно,—волосъ длиннѣе сказски объ Еруланѣ и чернѣе зженой кости.... эта лицевая сторона красавицы; изнанка—ея характеръ, нравъ и сердце, между которыми ужъ вѣрно есть задоринка.... Вы перелистили—«*двадцать сценъ изъ русскаго народнаго быта?..*» Вамъ вѣрно нравится изящная виньетка, атласъ бумаги, мастерская отдѣлка рисунковъ.... Эта лицевая сторона альбома;— вы прочитали два или три текста—это изнанка и изнанка, грѣшный человѣкъ, сознаюсь.... изнанка съ задоринкой! у инаго все спорится, все не въ кось, а въ прямъ! у другаго одно хорошо, другое лучше; у иного одно хоть куда, другое хоть брось.... У инаго подмастерья — на глазахъ — *два хозяйскихъ сынка;* одинъ изъ нихъ, что однако рѣдко случается у нашихъ простолюдиновъ, сынокъ хозяйскій, да въ придачу еще и *матушкинъ*.... А приглядитесь ка, кто изъ нихъ въ сорочкѣ родился.... Ужъ вѣрно не матушкинъ.... Кому съ молоду настѣнкѣ приказъ не зарубили, кому вяземской кавpижкой утирали капризную слезу,—кому сберегали бѣлизну рукъ, а изъ азбуки дѣлали пѣтушковъ—тотъ далеко неуйдетъ въ будущемъ! Съ молоду ватружки, пряженцы и бабки,—потомъ жалобы на работниковъ; потомъ дореные гроши, макъ да медовыя сосульки.... А тамъ, смотришь матушкинъ — хозяйскій сынокъ и подросъ; волосы въ кружекъ подстрижены, пестрый платочикъ на шею, родимая, каждое сама утро повяжетъ, длиннополая сибирка съ иголочки....

— Ну, Митрій, говоритъ родимая.... не нагляжусь на тебя, соколъ ты у меня соколомъ.... Ты ужъ большой — у меня....

— Эво!... Еще бы.... не видать что ли.... вѣстимо большой.... Хоть въ хозяевы сей часъ...

— Ахъ ты прокуратъ этакій.... Ужъ и въ хозяевы.

— А—что же... не гожусь, что ли?... Славно разпорядки заведемъ.

— Да, какъ же ты будешь хозяйномъ жить — свѣту невидавши, уму — разуму недойдя....

— Какого свѣту?... Да вѣдь не туманъ же у меня въ глазахъ.... А разумъ - то, вѣстимо, во лбу; его, какъ пятакъ на ладонь не выложишъ....

— Такъ то-то и есть, чтобъ за хозяйство взяться надо на предки къ дѣлу приглядѣться....

— Эво.... Не бочки же мнѣ ворочить.... Я вѣдь хозяинъ, велю.... сдѣлаютъ....

— Ну... все таки надо, родимый,—знать какъ иной разъ и бочку повернуть, чтобъ самому приглядѣть....

— А прикащикъ на что?

— Да, душа моя, хозяйскій глазъ нуженъ....

— Что?.... Глазъ? Да кто же говоритъ, что я слѣпъ?....

— Не то, кормилецъ ты мой.... Нуженъ надзоръ, смѣтка, снаровка.... Вотъ для этого-то тебѣ бы и немѣшало годокъ другой посидѣть за прилавкомъ....

— Что жъ.... пожалуй.

Дмитрій въ лавкѣ, только не заприлавкомъ, не въ трудѣ, не напосылкахъ.... Какъ можно! вѣдь онъ-хозяйскій сынокъ, да ктому же еще и матушкинъ.... Митя только подсѣкаетъ голубей, или дремлетъ у лавки. Прошло два года — ему и капиталъ и хозяйство мать даетъ въ руки.... Но ужъ у такого хозяина нѣтъ удачи.... у него или мыши поѣдаютъ товаръ, или расчитывая прикащика — самъ на себя насчитываетъ сотни рублей.... Глядишь и хозяйскій сынокъ — да не хозяйская у него снаровка! Не таковъ другой экземпляръ хозяйскаго сынка, который началъ жить въ трудѣ и спать не на пуховикахъ.

Умный простолюдинъ любитъ дитя свое съ разсудкомъ; онъ понимаетъ, что трудъ да спокойная, безтревожная совѣсть составляютъ счастіе человѣка, и потому невыпуская дѣтище изъ ежевыхъ рукавицъ въ настоящемъ, обѣщаетъ ему мягкую подушку въ будущемъ. Едва ребенокъ съумѣетъ самъ натянуть армякъ, какъ уже начинается для него жизнь труда и терпѣнія. Онъ или въ мастерской прислуживаетъ послѣднему работнику, или въ лавкѣ на посылкахъ, гдѣ за каждый, безъспросу взятый, сладкій леденецъ, получаетъ отъ отца весьма убѣдительную патацію. Жизнь его походитъ на маятникъ, который въ вѣчномъ движеніи, но въ движеніи правильномъ и полезномъ. Это пріучаетъ ребенка къ труду. Съ правомъ названія парня, — онъ не пріобрѣтаетъ еще ни воли, ни почета; и пока не съумѣетъ самъ нажить деньгу, онъ стоитъ въ уровнѣ съ работниками отца, и только въ праздникъ пользуется маленькимъ отличіемъ, которое заключается въ кускѣ пирога....

Сибирка столстаго сукна его постоянная одежда въ то время, какъ дебелыя сестры рядятся въ шелкъ и кружева. И здѣсь, между ними, нахватавшимися полутонкостей свѣтской великатности, онъ какъ будто бы не свой.

— Что эвто у тебя сестрица, говоритъ онъ обращаясь къ одной изъ дюжены сестеръ своихъ....

— Что такое?... *эвто!*.... Мужикъ-мужикомъ! и слово-то по русскому сказать неумѣетъ! ну что тамъ увидалъ?...

— Да вишъ ты, какая у тебя бородавица на шеп!

— Ухъ ты олухъ, деревня деревней! Срамату только на насъ накликашъ.... не могъ сказать родимое пятнышко!

— Ладно! отзывается отецъ: какъ умѣемъ, такъ и брѣемъ!... ему вѣдь не шемотанствомъ заниматься, не по французскому говорить, не кадрелію выплясывать; а съ молярами на работу ходить, деньгу наживать, да васъ же кормить, да поить придется.

— Ну ужъ... хорошъ будетъ братецъ! и вѣчно въ краскѣ! слова вымолвить порядочнаго не умѣетъ.

— Ладно! худъ ли, хорошъ ли, про то мы знаемъ. Ты вотъ нѣжонка, прости Господи! до свѣту въ перинѣ валяешься; а онъ чуть не съ полуночи за работой, да еще иной разъ, за малую толикую оплошность, и потасовку отъ меня снесетъ. Вотъ што! такъ-то! Ступай отъ нихъ Петруха! къ работникамъ. Вишъ! ты — вѣдь имъ не пара; онѣ все паровятъ по французскому, а мы съ тобой, братъ, моляры! такъ и не сподручно воронѣ залетать въ высокіе хоромы.

— Что правда, то правда, батюшка! да почитай ужъ спать пора! Завтра, со свѣтомъ, надо за работу.

И Петруха, пока еще не увѣрились въ его сноровкѣ, да склонности къ хозяйству и порядку, коротаетъ дни на подмосткахъ, вмѣстѣ съ другими малярами работниками отца; и въ такомъ же передъ нимъ отвѣтѣ, какъ и прочіе, если не болѣе.

Вотъ близко около полудня... Петруха окончилъ работу и сѣлъ у забора, а подлѣ него товарищъ по ремеслу, отцовскій мастеръ стекольщикъ....

— Чтожъ, Петръ Матвѣичь! пойдемъ обѣдать-то, говоритъ послѣдній.

— Обожди маненько, отвѣчаетъ хозяйскій сынокъ, повернувъ разсѣянно кистью и поправивъ масленный фартукъ.

— Чего ждать-то?

— Да развѣ не видишъ? вонъ еще плотники не отшабашили; ну не ровенъ — часъ: тятенька увидитъ, — вѣдь осерчаетъ.

Дни идутъ, за ними уходятъ и годы; Петруша, не выходя изъ подъ отцовскаго надзора, честенъ и исправенъ. Тогда отецъ рѣшается оставить сына уже на собственную его опытность и разсудокъ. Петрушу женятъ, съ тѣмъ расчетомъ, что если и западетъ ему въ голову какая ни наесть блажь, такъ хозяйка остановитъ; да и собственная совесть загородитъ дорогу и не дастъ шагнуть къ злому дѣлу. Тогда зажиточный отецъ отсчитываетъ Петру извѣстный капиталъ, и благословляетъ его на собственное хозяйство.

Глядишь: изъ хозяйскаго сынка выходитъ честный гражданинъ, трудолюбивый ремесленникъ, — добрый сынъ — и не потачка отецъ и для своего *хозяйскаго сынка!*

XVII.

КУЧЕРЪ.

Какъ много кучеровъ, которые выскакали на барскихъ саврасенькихъ или воронкахъ въ почетное званіе купца, или городскаго лихача! Мы не будемъ подраздѣлять кучера на классы; не будемъ вникать въ его жизнь, какую проводитъ онъ на козлахъ экипажа: актрисы, молодаго льва, ростовщика, откупщика и купца.... это извѣстно всякому—болѣе или менѣе; вся разница только тутъ въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ онъ всегда сытъ, въ другомъ иногда голодастъ—вмѣстѣ съ лошадьми, въ третьемъ сполна получаетъ жалованье, въ четвертомъ не совсѣмъ исправно.

Мы возьмемъ кучера обыкновеннаго, сытнаго, съ окладистою бородою, геркулеса—въ цвѣтномъ кафтанѣ, у котораго одно плечо закроитъ иного сѣдока—съ его медвѣжьею шубою.... Физіогномія такого кучера никакъ нейдетъ въ параллель съ физіогноміями его собратій.... Да и жизнь его походитъ на сыръ, брошенный въ масло....

Посмотрите-ка на Микула Микулыча! только носъ куриосъ, за то ужъ всѣмъ прочимъ взялъ: и дородствомъ и спѣсью. А какая окладистая борода у Микула Микуловича! хотя не въ голубомъ кафтанѣ онъ родился, за то знать въ сорочкѣ на свѣтъ взглянулъ. Изъ деревни привезли молодца, хоть съ волнушками въ корзину брось; заморышъ такой былъ, что въ кулакѣ до Иркутска унести можно было.... Думали Микулку препроводить на барскую кухню, кострюли чистить, тарелки мыть; анъ-нѣтъ! улыбнулась судьба, да и швырнула Микула въ конюшню.... Малый былъ не промахъ; смѣкнулъ умомъ.... завидитъ ли дворецкаго, за сто шаговъ шапку долой... совьется въ кольцо, да и поклонъ до земли; или кучеру: то сапоги смажетъ сальцемъ, то въ запуски для него на побѣгушкахъ. Глядь! чрезъ полгода, Микулъ, ужъ и на сѣдло вскарабкался, въ *форетуры* назначили....

Прошелъ годъ, другой: Микулъ поотъѣлся, а разуму у него прибыло столько, что почитай въ коробъ не уложишь. Вотъ встрѣтилъ его разъ какъ то дворецкій:

— Что, говоритъ, — Микулъ?...

— Ничего-съ, Назаръ Несторовичъ... Слава Богу-съ... благоденствуемъ подъ вашею ласкою....

— Да, — ты ужъ братъ.... того....

— То-есть.... эвтова.... Назаръ Нестеровичъ....

— Да, братецъ.... поотъѣлся! дѣтина сталъ такой ражій, хоть сейчасъ на козлы.

Микулъ лукаво улыбнулся—и смиренно отвѣчалъ, поклонившись—чуть не до земли:

— Гдѣ намъ, отецъ и благодѣтель, о такой выси думать! Нашему ли неумытому носу такую ягоду клевать?..

— Что же, развѣ не можешь?

— Смочь—для чего не смочь, Назаръ Нестеровичъ! да, вѣдь.... почетъ—отъ больно великъ. Боярскій кучеръ, не то, что нашъ братъ мальчуганъ.

— Ну чтожъ, а развѣ тебѣ не по плечу, голова?

— Не могимъ — знать-съ, Назаръ Нестеровичъ!

— Ну, братъ, такъ я—те скажу, что ты будешь кучеромъ.... завтра же барину слово за тебя замолвлю....

— Много благодарны-съ....

Вотъ Микулъ и кучеромъ.

Теперь-то началась его настоящая масляница.... Тперь уже онъ самъ хозяинъ въ своей конюшнѣ.

Утромъ всталъ, крякнулъ, лѣниво́ потянулся на стѣну и завелъ обычный разговоръ съ форейторомъ....

— Ганька! А.... Ганька....

— Ась?....

— Чего: ась? Неумытое мурло.... ишь мужикъ-мужикомъ, все деревней отзывается лапотникъ этакой.... и отозваться-то, неучь, не умѣешь....

— Да.... я, Микулъ Микуловичъ....

— Молчать, грозно восклицаетъ Микулъ.... Для ча, вечерось, не перетрусилъ мнѣ постели на койкѣ? за воротами глазѣешь, азарникъ! только въ гармонику наяриваешь! вотъ я тебя!

— Микулъ! Слышъ Микулъ! кричитъ лакей, выбѣжавшій на крыльцо....

— Здѣсь.... што-надоть? отзывается кучеръ....

— Коляску закладывай—для барыни....

— Ладно.... ну, чего жъ, ротъ-то разинулъ, продолжалъ Микулъ, обращаясь къ тому же форейтору... Слышалъ!...

И въ то время, какъ форейторъ моетъ коляску и выводитъ лошадей, Микулъ Микуловичъ, важно наряжается—въ парадный кафтанъ, разглаживаетъ бороду.... надвигаетъ на виски шапку, выходитъ... подбираетъ возжи и подкатываетъ къ подъѣзду.... А тутъ и пріятели налицо....

— Здорово, Микулъ Микуловичъ,— говоритъ сытный швейцаръ....

— Матвѣй Ильичу—наше наиглубочайшее; все ли въ добромъ здоровьѣ—обретаться изволите?

— Ничего-съ: живется, славу Богу.

Выходитъ барыня.... щелкнули дребезжа дверцы кареты.... Микулъ тряхнулъ возжами и пустилъ рысаковъ по гладкой мостовой. Микулъ не кричитъ дорогою на встрѣчнаго Ваньку, который словно саранча вьется подъ дышломъ.... нѣтъ! станетъ онъ фарейторствовать! у него глазъ смѣтливый, снаровка мастера!— только возжа легонько вьется подъ рукою, а рысаки такъ и ныряютъ въ толпѣ экипажей, обгоняя встрѣчныхъ....

Барыня выпорхнула... Микулъ провелъ лошадей и, избоченясь—остался на козлахъ.

— Чей это экипажъ, любезный? спрашиваетъ любопытный прохожій.

— Микулъ Микуловичъ лѣниво поворачиваетъ голову, оглядываетъ вопрошающаго съ головы до ногъ, и, смотря по наружности послѣдняго, или молвитъ: проваливай дальше! или, нехотя, удостоитъ приличнымъ отвѣтомъ.

Житье Микулу Микуловичу... У дворецкаго въ частую чаи распиваетъ, съ купечествомъ знакомъ, а на лакейской пирушкѣ Микулу Миклуовичу первый поклонъ и первый пунтшъ несутъ....

— Орѣшковъ то, Микулъ Микуловичъ, говоритъ назойливая хозяйка....

— Нѣтъ, покорно благодарствуйте.... мы энтакимъ художествомъ не прохлаждаемся....

— Эхъ батюшка, да чѣмъ же просить вашу милость?...

— А вотъ... травничку—они пригубятъ! подхватываетъ хозяинъ — деликатный лакей.

— Травникъ—дѣло хорошее! употребить малую толику немѣшаетъ. Съ нашимъ удовольствіемъ.... порюмочкѣ пройдемся....

Кажется, чего бы еще Микулу Микуловичу? такъ нѣтъ! самолюбіе-то у него ростетъ вмѣстѣ съ усами. Сидитъ у него во лбу, давнымъ давно, глубокая дума.

Жениться пора.... Мы — ста, говоритъ, сами съ усами, только носъ не оросъ.... Посватай Марѳа Сысоевна....

— Да какую тебѣ, кормилецъ?... Невѣстами у меня хоть море пруди.... И одна другой марьяжнѣе....

Ну давай сюда — марьяжную ... Слышъ ты, мнѣ ея животы не почемъ, тряпье тоже, поѣхало дальше!... Я не голышъ какой... Свое имѣемъ.... А ты, вотъ мнѣ достань любу—смазливую, понимаешь: кровь съ молокомъ, чтобъ ужъ было съ кѣмъ, иной разъ, несовѣстливо и по перспективѣ пройтиться....

— И вотъ Микулъ Микуловичъ завелся сожительницею. Житье ему славное! Господа *добрѣющіе*, какъ

онъ самъ выражается; жалованье съ остаткомъ, содержаніе щегольское....

— А что Кузьминишна? говоритъ Микулъ въ откровенной бесѣдѣ съ женою. Какъ ты смѣкаешь? Если баринъ за усердную службу дастъ мнѣ отпускную.... не купить ли парочку гнѣдковъ, да экипажикъ по щеголеватѣе? Ась?

— Да... для ча тебѣ?

— Для ча? вѣстимо не въ гулюку играть, не съ тобой православный народъ тѣшить. Хочу городскимъ лихачемъ стать. А, вѣдь, дѣло-то повадное! Деньга перепадаетъ славная.... иной разъ подвернутся эитакіе молодцы, что въ полглаза на свѣтъ глядятъ, знаешь, *опосля*... шампанскаго. Валяй, говорятъ, закатывай, на краспенькій! смотришь и сѣла въ лапу синенькая. Ась, Кузминишна?

— Ужъ и ума не приложу Микулъ Микуловичь— какъ порѣшить энто....

— А что думаешь? Можетъ статься вѣдь и прорвешься! Нѣтъ голова! пока еще худоба неударила въ щеку, лучше служить барамъ. За такую бороду, да плечо богатырское — вездѣ деньгу взять можно.... Нѣтъ лучше.... другая дума у меня есть....

— Э.... А ну-ко, чтобы такое?...

— Опосля узнашъ, сказалъ Микулъ.... И, точно, промолвился.... только чрезъ полгода.

— Отправился разъ, какъ-то онъ къ кумѣ съ сожительницею; только что вышли изъ воротъ, а торговка съ башмаками какъ тутъ подъ носъ....

— Купи — матушка.... отличительный товаръ.... Работа не то што какая нибудь кимряцкая — нѣмецкой не уступитъ....

Кузьминишна подошла къ торговкѣ, которая привѣтливо улыбаясь—подставила ей чуть не подъ носъ пару полусапожекъ....

— Э.... Да что энто.... Козловые-то? Презрительно сказала Кузьминишна....

— Ну не лиха бѣда, — отозвался Микулъ.... заложивъ за мишурный поясъ лѣвую руку и... тутъ же высказалъ свою старую мысль: не лиха бѣда—говорю.... Ходи пока въ козловыхъ.... Вотъ, дай сроку получу отпускную, *припишусь къ мѣщанству, али разгуляюсь и къ купечеству*, такъ тогда въ атласныя наряжу тебя, старуха.... Да и шляпку съ бантами, въ завитушкахъ, куплю....

Шедровский

XVIII.

ТОРГОВКА.

Если бы кто нибудь пожелалъ анализировать разнообразную касту торговокъ, тому необходимо слѣдовало бы раздѣлить ее на два класса; отчисливъ къ первому: вѣтошницъ, салопницъ, башмашницъ... и жидовокъ— торгующихъ всѣмъ, исключая съѣдомаго; ко второму вѣчныхъ обитательницъ мостовъ, рынковъ и рабочихъ дворовъ, — словомъ, тѣхъ, которыя, смотря по времени года и дряни какую бракуетъ Щукинъ дворъ, выносятъ на лоткахъ, или мякушку яблокъ, — рядомъ съ пестрымъ лимономъ, или, наконецъ, макъ и пряникъ, покрытые уличной пылью.

Случалось ли вамъ когда нибудь неосторожно забыться у окна и вздрогнуть вдругъ, всѣмъ тѣломъ, при визгливомъ возгласѣ:

— По клюковку ягоду..... по клюкву! Вотъ клюква!...

— Отстань старуха!...

— Чтожъ, сударь, купи клюковки-то.... и видя ваше нерасположеніе къ кислой ягодѣ — старуха затягиваетъ: вотъ клюква.... подснѣжная-манежная.... Изъ города Ростова отъ барина толстова!... Эта самая старуха, попавшись вамъ однажды на глаза, будетъ вертѣться у васъ передъ глазами долго, то съ медовыми сосульками, то съ брусникой, то на перекресткѣ съ преженцами и разпороднымъ печеньемъ....

— Проходите въ полдень по набережной, когда усталые работники и поденьщики—побросали свои тачки, старуха тутъ... съ котломъ картофеля....

— *На картовъ!...* Ей.... кавалеръ... на картовъ....

— Полно гарланить-то — тетка, говоритъ дюжій парень....

— А, для-ча, не гарланить?.... не покричишь— не продашь.... Да тебѣ *што* родимый?...

— Вѣстимо што.... дайка горячинькаго за грошъ, свѣтъ-душа, Акулина Максимовна....

— Акулина, слышъ-ты! кричитъ другой, намъ съ Матюхой *положь* въ шапку.... за пятакъ....

— Акуля, подхватываетъ третій, вечорась за тобою оставалась денежка.... отщитывай картофелемъ... ну, проворнѣй-же!...

И около Акулины сдвигается тѣсный кружокъ.... Тотъ требуетъ соли, другой сдачи; третій, вмѣсто платы, отсыпаетъ старухѣ остротами и шелухою....

— Въ полдень вы на мосту и, Акулина Макси-

мовна тутъ—какъ тутъ.... съ мерзлыми яблоками, сидящая рядомъ съ товаркою на низкомъ барьерѣ.... Вотъ тутъ-то стоитъ послушать ее. Товаръ ее плохо идетъ съ рукъ... дѣлать нечего... и Акулина Максимовна вяжетъ чулокъ, да тарабаритъ съ сосѣдкою....

— Что, говоритъ она, мое житье.... вѣкъ изжила, радостей не видала.... дѣвчонкой еще начала кузовъ со всякой всячиною таскать.... сначала матушка посылала... то къ перевозу съ лукомъ, то на биржу съ валенцами, вышла за покойнаго.... и тутъ старое по старому: овдовѣла; да спасибо добрымъ людямъ, отдала сынишку въ ученье, а сама всё съ латочкомъ—въ дырявомъ платочкѣ....

— Охо.... хо! Что станешъ дѣлать.... отъ бѣды, моя родимая,—не въ воду! смиренно отвѣчаетъ собесѣдница....

Загляните вечеркомъ въ пріютъ Акулины Максимовны.... Все ее обиталище ограничивается однимъ угломъ; мебель и недвижимое имущество—койкою, хозяйскимъ столомъ, неизмѣннымъ лоточкомъ, да помадною банкою, которою она вымѣриваетъ клюкву и бруснику.... Подъ койкой сундукъ съ тряпками и капиталомъ въ два рубли. Но, какъ ни бѣдна наружность обиталища торговки, какъ нужда ни пріютилась у ея порога, а Акулина Максимовна не прочь отъ кофейку.... Кофей ея утѣшитель въ горѣ, ея другъ въ радости. Ни одна чашка не выпьется безъ того, чтобы Акулина Максимовна не сболтала въ ней остатковъ и не повернула съ шопотомъ чашки на блюдечко.... Здѣсь-то изощряетъ она свой умъ и свои догадки; въ потокахъ гущи ей мерещатся: то дорога, то густой лѣсъ, то долгая рѣка.... Всячески хочется Акулинѣ Максимовнѣ выбиться изъ однообразной колеи ничтожныхъ барышей и взяться за дѣло по серьезнѣе. А серьезное дѣло заключается въ томъ, что Акулина Максимовна наровитъ заняться ремесломъ свахи. Вотъ, говоритъ она, знакомство у меня не то что бы какое ни наесть, и невѣсть почитай съ десятокъ, а женихов не перечтешъ; да дѣло то все не спорится, талану ни какого нѣтъ, хоть ты што хочешъ: вездѣ бѣда поперечитъ!... И старуха нагрузивъ снова неизмѣнной свой лотокъ, — и снова рѣчь о быломъ, или перебранка съ товаркою, или мягкая лесть будочнику коротаютъ ея дни.

Вотъ ужъ ноги отказываютъ въ услугѣ Акулинѣ Максимовнѣ.... Измаячилась говоритъ она... Полно; не могу бродить, болѣе, по дворамъ.... вѣрно ужъ дальше Шукина, да своихъ воротъ — нейдти мнѣ... Старость лихая приходитъ!....

И въ самомъ дѣлѣ, торговка навсегда остается

теперь у своихъ воротъ. У нея нѣтъ, теперь, товарки.... Прижавшись къ фонарному столбу, Акулина Максимовна—проводитъ цѣлый день, перекладывая съ мѣста на мѣсто мерзлые яблоки. Обычные посѣтители ея уже не дюжіе парни, а ребятишки, халатники—портные, которые несутъ ей каждодневную грошовую дань.... Правда, и тутъ—иной разъ, у Акулины Максимовны найдется развлеченіе. То окликнетъ кухарку, остановитъ ее, потолкуетъ о томъ, о семъ; справится о благоденствіи господъ, побранитъ свое житье и позавидуетъ служанкѣ; то перемолвитъ съ кавалеромъ и, отъ доброты души—подаритъ ему мякушку... А смотришь... вонъ и старая знакомая... солдатка съ дочкой, которая для послѣдней незабываетъ Акулину Максимовну.

— Здравствуй матушка.... Какъ можется.... Маланья Евстигнѣевна?

— Плохо родимая.... спина начинаетъ побаливать; да, вѣдь, сама вѣдаешь, наша работа, — почитай всѣ ручёнки отымаетъ; день деньской стирка, да катокъ....

— Правда, правда родимая.

А между тѣмъ, какъ товарки ведутъ разговоръ этотъ, дѣвчонка не спускаетъ внимательнаго взгляда съ мякушекъ....

— Что ужъ, нешто, взять у тебя, Акулина Максимовна, — продолжаетъ прачка....

— Для ча не взять? возьми родная *съ почину;* у тебя, не разъ мною замѣчено, рука такая легкая, что вотъ, право слово, послѣ тебя товаръ-отъ всегда съ лотка, какъ вѣтромъ сдунитъ....

Торговка отсчитала яблоки, приняла деньги и отдала сдачу....

— Да чтожъ энто, Акулина Максимовна, какъ будто-бы — не всѣ тутъ....

— И, што ты, родимая, немоги этаго думать!— Вѣдь, я ни какая наесть; обманомъ не живу, облыжно народъ православной не обманываю. Энто вонъ, продолжаетъ торговка, завистливо кивнувъ головою на Охтенку, расположившуюся на тумбѣ и, щитающую въ фартукѣ серебро.... Энто.... вонъ, гдѣ грошъ, гдѣ гривну насчитаетъ, да и въ молоко воды плеснетъ. У нихъ.... не у нашаго брата, добро растетъ, деньга словно на опарѣ подымается. — Такъ-то, родимая! бери — тутъ все сполна.... Ужъ, вотъ, на совѣсть грѣха не возьму!... Ни.... ни! Богъ съ ними, съ барышами неправдой нажитыми!...

XIX.

КАРТЫ.

О картахъ должно говорить съ картами въ рукахъ; тогда, при созерцаніи этихъ невинныхъ фигуръ, придешъ невольно къ грустной мыслѣ, что человѣкъ—жадный до развлеченій, изъ всякаго невиннаго удовольствія съумѣетъ извлечь зло, не замѣчая его. Карты зло, а страсть къ нимъ порокъ, если невинное удовольствіе замѣняется въ нихъ одною только жаждою пріобрѣтенія и наживы. —Разбойникъ, готовый посягнуть на жизнь ближняго, не болѣе страшенъ, какъ опытный, расчетливый картежникъ, составившій изъ пятидесяти двухъ лоскутковъ—ремесло на пагубу ближняго. Благодаря Бога и мудрое, отеческое попеченіе нашего Правительства,—Россія довольно обезопашена отъ этаго ремесла, которое въ другихъ странахъ губитъ многихъ цѣлыми семействами.

Вотъ что разсказываетъ одинъ Французскій писатель о происхожденіи игорныхъ картъ.

Изобрѣтеніе игорныхъ картъ приписывается Лидійцамъ, придумавшимъ ихъ во время чрезвычайнаго неурожая.... На первыхъ картахъ, игра въ которые была не иное что, какъ игра въ двойные шахматы, изображались *дурачки*, *рыцари и башни*. Играли въ нихъ, вѣроятно въ четверомъ, такъ что каждый изъ противниковъ, имѣлъ свой цвѣтъ и, такъ сказать, свою армію, чтобы дѣлать маневры.

Какъ бы то небыло, но карты употреблялись далеко прежде 1392 г., къ которому нѣкоторые относятъ ихъ изобрѣтеніе. Одна итальянская рукопись, относящаяся къ 1299 году, говоритъ о картахъ, называемыхъ *naibi*. Монашескіе уставы 1337 года—изгоняютъ карты подъ именемъ *paginæ*. Наконецъ, и въ 1387 году, эдиктомъ Кастильскаго Короля, игра въ карты объявлена была въ числѣ запрещенныхъ.

До сихъ поръ еще неизвѣстно, кому въ Европѣ принадлежитъ употребленіе первыхъ картъ: Французамъ, Нѣмцамъ, Испанцамъ или Итальянцамъ? Масти картъ, въ каждой странѣ, имѣли и имѣютъ свои названія: во Франціи: пики, трефы, бубны и черви; у Испанцевъ: мечь, палка, деньга и чаша; у Нѣмцевъ: зеленое, желудь, гремушка и красное; у насъ: вины, жлуди, бубны и черви (кажется заимствовано съ Польскаго). Эти названія должны быть современ-

ны игрѣ въ пикетъ, которая началась при Карлѣ VII. До того, въ Европѣ были извѣстны только карты, называвшіяся крапами (tarot).

Карлъ VII, указомъ 1391 г.; повелѣлъ подвергать пени въ десять су, за всякую игру, которая мѣшала его подданнымъ заниматься изученіемъ военнаго ремесла. Для избѣжанія этой пени, кто-то преобразовалъ карточную игру, такъ, что поставилъ её въ рядъ военныхъ упражненій. Масть трефовую стали изображать съ шпагою въ рукѣ; каро, (бубны), съ четвероугольнымъ желѣзомъ толстой стрѣлы съ копьемъ бердыша; сердце (черви), съ остріемъ стрѣлы.... Однимъ словомъ: все получило видъ оружія. Тузы (lesas), названіе одной древней монеты, означали жалованье солдатамъ; четыре короля представляли монархіи: — Іудейскую, Греческую, Римскую и Французскую. Четыре *валета* или *варлета* представляли Французское дворянство, начиная съ его героической эпохи до Рыцарства: въ одномъ — изображался Троянскій Гекторъ, отецъ баснословнаго Франкуса, который слылъ за перваго Франкскаго короля; въ другомъ Ожье Датскій, одинъ изъ Перовъ Карла Великаго; въ третьемъ — Лагирь, храбрѣйшій изъ вождей Карла VII; наконецъ, въ четвертомъ — трефовомъ валетѣ, — самъ изобрѣтатель или преобразователь карточной игры.

— Въ Россію, если мы неошибаемся, карты перешли вмѣстѣ съ иностранцами, которыхъ въ свое время нанимали въ службу царскую, въ качествѣ тѣлохранителей; — вѣрнѣе же — карты заимствованы были Русскими отъ Поляковъ, болѣе близкихъ, по сношеніямъ, съ западомъ.

Русскій человѣкъ — ничего не передѣлалъ въ картахъ: онъ только назвалъ: дамъ — кралями и валетовъ холопами. Преферансы, висты, бостоны, даже дурачки, шишъ-шишъ-мушки, все это не изобрѣтено въ Россіи, а получено вмѣстѣ съ ромомъ, шанпанскимъ и подагрой, отъ иностранцевъ; русскій самъ изобрѣлъ — едва ли не одну только игру.... по поскамъ.... игру, можно сказать, самую невинную; потому что она нейдетъ дальше носа, — и если въ ней предполагается какой нибудь интересъ, то не выше — бутылки московскаго пива и порціи чаю....

Порою, отдыхая отъ треволненій жизни и обычныхъ работъ, русскій людъ, улучивъ время, коротаетъ его, гдѣ нибудь въ портерной. Интересъ-пиво!

Пожилой ветошникъ, да фабричный цигарочникъ, усѣвшійся на столъ — добиваются микроскопическаго интереса....

Всякая игра требуетъ разуму, опыта и наглядности, а потому и въ игрѣ по носкамъ являются свои мастера...

Мальчикъ прикащика (на картинѣ), раскинувъ локти по столу—дремлетъ, прислушиваясь къ говору играющихъ; забѣжавшій въ портерную извощикъ,—созерцаетъ игру съ улыбкой; между тѣмъ.... владѣлецъ портерной, избоченясь съ важностію, закинулъ руку на плечо играющаго, и, желая высказать свое умѣнье и снаровку подсказываетъ: — ходи!...

— Ну-ужъ, эвто-неповадно, говоритъ ветошникъ, расчитывающій завладѣть выигрышемъ: — для-чего подсказывать, Лукичъ? у всякаго свой разумъ во лбу....

— Да вѣдь я такъ, только указать! вѣдь, вишъ ты: онъ, словно обойденный... идетъ съ того, что и съ просонья не кинешъ.

— Мало ли что? — дѣло мастера боится! Не иди играть супротивъ рожна! Не берись за гужъ, коли не дюжъ! Для-ча и садишся, коли въ игрецкую играть негодишся?

— Ну, — ну, ничкни — молчу.... пусть его какъ знаетъ.

— Вѣстимо какъ знаетъ; — а вотъ бутылочка-то и шипитъ. Неугодили-съ.... Энто што!

— Ничего, голова! отвѣчаетъ сигарочникъ; мы вотъ какъ!

— Текъ-съ, а вотъ энтакъ-съ....

— Что? — атанде-съ — выходитъ. — Поѣхала бутылка, подставляй носъ или выставляй пиво! знай пашихъ!...

Добрые люди! Не многіе изъ нихъ лезутъ въ азартъ, и не многіе знакомы съ бѣдовою — *три листика*!...

XX.

РУССКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ

НА НѢМЕЦКОМЪ ГУЛЯНЬЕ.

Зайдите, когда нибудь, въ общество простыхъ людей, послушайте ихъ разсказы, остроты и перемолвки;—тогда жизнь и понятія простаго-русскаго человѣка обрисуются для васъ, какъ нельзя больше рельефно.... Въ его заунывной пѣснѣ, въ его бойкомъ словцѣ, въ его заключеніяхъ о предметахъ — вы подмѣтите столько оригинальнаго, столько наивности, что и милліонной доли того не случится встрѣтить въ разсказахъ нашихъ нравоописателей, знающихъ русскаго простолюдина только по бородѣ и лаптямъ....

Иванъ Ивановичь большой чудакъ! для него жизнь въ харчевняхъ, портерныхъ и русскихъ мастерскихъ была настоящею жизнію; тамъ.... онъ прижимался въ уголъ, слушалъ, иногда хмурился, иногда улыбался и записывалъ....

Вотъ лоскутокъ изъ его странствованій по подваламъ и мастерскимъ.

«...Былъ еще сегодня у столяра Михея; былъ разъ, пойду и другой... Прелюбопытно!... Въ полдень я завернулъ къ нему и, противу обыкновенія, не встрѣтилъ въ мастерской ни пѣсни, ни стука долота, ни визга пилы. Все было тихо и безмолвно!... Рамки и станки чинно лежали на полкахъ, надъ которыми, по обыкновенію, торчали пилы. Самъ Михей, остановившись, съ видимымъ вниманіемъ среди мастерской, и, опершись на деревянную сажень, изрѣдка лишь покачивалъ головою, украшенною пестрымъ платкомъ, какъ бритая голова муэзина — чалмою. Подмастерье его, выставивъ впередъ ногу, спрятанную въ драпировкѣ чистаго передника, сложилъ объ руки на стругъ, и оставался въ этомъ положеніи, какъ обвороженный; другой, опершись на длинную пилу, молча улыбался, видимо—пожертвовавъ всѣмъ своимъ вниманіемъ, вмѣстѣ съ другими мастерами—остававшимися на второмъ планѣ картины,—какому-то гостю-разскащику, вѣроятно собрату по ремеслу.

— Эвося! На заборъ? сказалъ одинъ изъ подмастерьевъ.

— Право слово,—на заборъ, продолжалъ разскащикъ. Вотъ, голова! знаешь, какъ мы вошли... ночьто темная, никто насъ невидитъ; вдругъ — смотрю: у забора похаживаетъ землякъ-сторожъ.

— О!... отозвался Михеичъ.

— Да.... эвтотъ, какъ его?... Архиповъ.... Вы, говоритъ онъ, для чего тутъ? вотъ я васъ!... Да и палкой было.

— Те! свои! говорю.

— Кто?

— Я, Дементій!... пусти Архипычь! поглазѣть на ваши диковины; вишь... вѣдь, говорятъ, нѣмецъ-то затѣйливъ.

— Какой нѣмецъ?

— Ну, да Изеръ—что-ли-че? Богъ его вѣдаетъ....

— Вотъ онъ насъ, братъ! и пустилъ въ калитку, да потомъ задними околицами, въ какой-то коридоръ и привелъ. Ну, говоритъ, стой-те.... ни шагу! Сей часъ начнется, дескать.... А музыка, братъ! такъ ревомъ и реветъ. Вдругъ, слышимъ: пѣсню запѣли. Ну, голова!... вотъ распотѣшили!... Знаешь и пѣсня-то почитай пашенская! Ванька, говоритъ, Таньку полюбилъ; а Танька, говоритъ, дудочку беретъ; а Ванька, говоритъ, пѣсню поетъ.

— Ой-ли!... Лихо!.... Ну, ну!... отозвались слушатели.

— Вотъ, потомъ какой-то одинъ запѣлъ другую пѣсню. Народъ-то словно море, такъ и разлился. Браво! говоритъ, ай-да голова!... Валяй.... дескать ащо! мы те отхлопаемъ снова. А тутъ и Архиповъ подвернись. Слушай, говоритъ, ребята! Сей часъ въ животѣ заговоритъ.

— У кого? спрашиваемъ.

— А вотъ *туточа*.... у насъ — Грекъ есть!

— Э! нешто Греки-то животомъ говорятъ?

— Нѣтъ; говоритъ, это ужъ такой—не спроста; онъ и по собачьи лаетъ. Глядимъ и въ самомъ дѣлѣ, какъ началъ! Ну просто ворожба! я-те скажу.... И на гитарѣ-то играетъ, и поетъ-то разными голосами; да, какъ засвищетъ соловьемъ; словно черти у него въ брюхѣ! а потомъ лаять началъ. Нечего сказать... собаку съѣлъ! Вотъ словно у него тамъ цѣлая стая дворняшекъ. Отличительно!...

— Ну братъ, это не спроста! отозвался одинъ изъ слушателей.

— Ужъ вѣстимо — не спроста. Стало быть что нинаесть, да какая нибудь ворожба сдѣлана.

— Да — неужто, и въ самомъ дѣлѣ, животомъ поетъ? спросилъ Михеичъ.

— Ну.... чтобъ свѣту невидать, коли я васъ морочу! Чего говоритъ! поетъ разныя заморскія пѣсни.

— Эка ты оказія! Ну, ну, Мироновъ, штожъ? досказывай!...

— Вотъ, другъ ты мой, зашумѣла опять музыка; смотримъ: а мимо насъ словно *машкарадъ* какой! и

въ красномъ-то, и въ синемъ-то, и во всякой-то пестряди!

— Да чтожъ это такое?...

— Цыганки, голова! Ну братъ! такія все крали, что лутче и не спрашивай. А за ними знаешь, все господа, да ухмыляются: просто вальяжность такая....

— Ахъ ты невидаль, диковина какая!...

— Вотъ, ребята, продолжалъ разскащикъ, мы себѣ стоимъ — да дивимся, какъ вдругъ кто-то и крикни:

— Вы зачѣмъ здѣсь? Какъ сюда попали? А?

— Ой-ли?

— Право слово.... Глядь! а энто самъ Изеръ, сердитый такой, что и не роди мать на свѣтъ. Мы, братъ.... и въ запуски, да опять околицами, черезъ заборъ; а Максюха, знаешь вѣдь пострѣлъ такой! онъ было учалъ прежде всѣхъ улизнуть, да какъ махнетъ, защѣпился!

— Ну — ну! вскрикнули любопытные....

— Чего ну!... вѣстимо полкафтана и оставилъ на заборѣ.

— Ну, а вы то?

— Что мы?... утекли! эвося.... еще бы шею подставить! вѣдь за эвтую оказію нашего брата и накостыляютъ.... вѣстимо дѣло!...

— Ну важно! отозвался подмастерье, быстро стругнувъ по доскѣ....

И работа, остановленная на минуту разсказомъ пришлеца, закипѣла снова въ столярной»....

Гос. Истор. Научн. В-ва
НКП РСФСР
Инвент. №
1933 г.